

Виктор Иванович
Мельников

Записки
старого капитана

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Виктор Мельников

Записки старого капитана

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70366267

SelfPub; 2024

Аннотация

Это автобиография русского морского навигатора, капитана-наставника, промыслового капитана рыболовного флота. А значит, здесь есть всё: и честь, и боль, и победа, и утрата, и рык, и смех, и лихие схватки, и неподдельная нежность, и настоящая человеческая поэзия, и технологии рыбного промысла. Это целая жизнь, полная самоотверженного труда и веры в себя, воли к победе, любви к семье и Родине, густая, словно сама земля, и глубокая, словно море. Это очень лиричная и очень искренняя книга.

Виктор Мельников

Записки старого капитана

На Руси это издавна чтимо,
Это в нашей, наверно, крови:
Чтобы женщина шла за мужчиной
В испытаньях, в скитаньях, в любви.
Чтоб его признавая начало,

Все тревоги в себе затая, Все же исподволь напоминала —
Мы не просто вдвоем, мы семья.

Чтобы мудрость в себе находила,
Распрямясь пред сыновьим лицом Повторить с материн-
скою силой:

«Посоветуйся, сыне, с отцом!» Чтоб, все страхи снося в
одиночку, Говорила, измаясь в конец:

«Обними-ка отца, слышишь, дочка,
Что-то ныне устал наш отец...»
И глядела бы с явной отрадой,
Как теплеет любимого взгляд,
Когда сядут за стол они рядом,
Как, к примеру, сегодня сидят... Мы едины любовью и
верой, Мы едины землей и трудом.

И распахнуты дружеству двери
В наш добротный, устойчивый дом...

(Татьяна Кузовлева)

Глава 1. Детство

Река Амур покрыта льдом и снегом, безрадостная картина. Добавить завывание сильного ветра, и все это наводило на мысль, что жить здесь нельзя. Село Софийск; стояло несколько домиков, занесенных снегом, стелился дымок из труб, значит жизнь есть. Здесь же стояла небольшая военноморская часть, занесенные снегом гидросамолеты, «Каталины», поставки по Ленд-лизу из Америки. В дневное время вокруг них копошились матросики и техники, кто очищал от снега, кто осматривал и прогревал двигателя.

В декабрьский день и появился на свет крикливый, слабенький сын офицера. Да и где быть здоровым – с продуктами было все очень плохо, жили впроголодь. Можно сказать, тьма тараканья, продукты привозные, спасал только паек, что получал папа.

Раз в месяц семьи офицеров отоваривались. Выдавали по норме, по талонам, все овощи в сушеном виде (может, кто-то и помнит, что такое сушеный лук, свекла, картошка... и пробовал на вкус?). Для родившихся выдавали замороженное молоко (как очень большая баранка толщиной сантиметров пять, и диаметр около сорока сантиметров). Хорошо, если дадут три-четыре таких баранки, связанные веревочкой – значит, кто-то отказался или кому-то не хватило такого нужного дефицита.

Снега было очень много. Дома, занесенные под крышу, между домиками натянут трос и выкопаны траншеи. Главная траншея была до реки, ходили за водой, рубили лед и приносили домой. В день выдачи пайка женщины брели в любую погоду – кормить детишек надо, да и мужей тоже. Количество и разнообразие пайка зависело от занимаемой должности, звезд на погонах, да и от знакомства со всемогущим старшиной.

Картина безрадостная, здесь была и тоска как дотянуть, зависть и злость, все это выливалось на мужей. Бредут жены назад – на шее круг молока, в руках плетеные авоськи (сами плели, делали большие, все надо унести сразу) на плечах замороженный баран, половина туши или что-то другое.

Вторая ходка так себе: консервы, конфеты, сгущенка и ананасы консервированные, из Китая, все это сравнить с нынешним товаром, нельзя...

Так жили сотни тысяч жен офицеров по всей нашей большой стране, Стране Победительнице. Там же в этой деревушке жила очень старая бабушка, втайне ото всех мама меня крестила, крещение провела эта старая бабуля, видать, имела право, или имела сан, кто его знает. Тогда это было смерти подобно. Папа партийный, мама комсомолка, и почему мама так поступила – для меня загадка. Когда я стал чуток постарше, я спрашивал у мамы про ее маму, папу... Она мне говорила: «Я тебе, мой комарик, потом все расскажу». У мамы девичья фамилия Комарова.

Папа был военный, и мы его очень редко видели – все по командировкам, война не у нас, а где-то там, где нужны наши папы. Вернувшись из одной командировки, папа привез на груди боевую награду, медаль. Папа всю свою жизнь очень ее ценил, и был горд. За свою военную карьеру наград у папы было двадцать шесть. Страшный год 1953, разгул преступности, амнистия бандитов, политическим нет, и очень много змей. Мама рассказывала, когда зашла в комнату проведать меня, я спал в кроватке, а на моей груди она увидела здоровенную мирно лежащую змею. Это была гадюка, метровая, свернулась кольцом и мирно лежала, а я посапывал. Мама сдернула одеяло, схватила меня и выбежала из комнаты. Суматоха и шум поднялся страшный. Старенький сосед прибежал, убил и выбросил змею, сказал: «Это была самка. Да, это тот еще знак». Какой – не сказал.

Папу перевели в гарнизон Мангохто, где базировался полк морской пехоты. Сам аэродром неудобный для летчиков, полоса построена на скорую руку, упиралась в гору, вокруг тайга. Вокруг гарнизона были Сталинские лагеря – детский, для малолеток, женский, мужской. Частые побеги – люди рвались на свободу через тайгу. Весь офицерский состав был вооружен, солдатики, охраняя склады, были вооружены винтовками, обязательно с пристегнутым штыком. Отмечалась гибель солдат от нападений рыси, а так – она нанизывалась на штык. Полоса, полоса невезения – при посадке и взлете нечасто, но гибли люди, виной эта проклятая соп-

ка и, как сейчас говорят, человеческий фактор. Боевая часть армии, постоянные учения, длительные командировки, жены в постоянном напряжении; к этому привыкают, но там внутри... Тем и отличаются жены офицеров, жены моряков от береговых штафинок, уметь ждать – это профессия. Не каждой это дано, не каждая это вынесет. Почему не вознести им памятник? Собаке Павлова сделали, женам – нет?

Когда гибли друзья, соседи, хоронили всем полком. Гарнизон маленький, несколько десятков домов, затерянных в тайге. Хоронили всем народом, прощальная музыка стояла над гарнизоном. Эта зловещая мелодия пробирала до глубины души, изморозь стояла, нервы натягивались, струны внутри все дрожали. Это у всех независимо от возраста – дети, жены офицеров... Когда происходила трагедия, не зная информации, воздух над гарнизоном как бы сгушался, в душе безнадега – а вдруг мой, как жить, что говорить детям? Все останавливалось в ожидании, как это тяжело и больно, неизвестность это страшно. НЕ МОЙ! РАДОСТЬ СКВОЗЬ СЛЕЗЫ.

Весь гарнизон – двухэтажные деревянные дома, один подъезд, между домами натянутые тросы. Построенный силами заключенных двухэтажный каменный дом офицеров. Но что-то в нем было не так... Бывало: прощание намечалось на восемь утра, тела привозили поздно вечером, все готовили, а в пять-шесть утра рушилась крыша. Никто не пострадал и не был задет ни один гроб. Так было три раза. Гро-

бы выносили на площадь, и тут всем миром прощались. Кто строил, когда строил – органы быстро разбирались, жестко, лагеря рядом, опыта у ЭТИХ хватало. Был построен первый пятиэтажный дом, трехподъездный. Кто и как был достоин поселиться в этот дом – распределялось в тесном кругу, партийные, комитетчики и приближенные к ним, все это знали. Нам не повезло, не попали, простым работягам войны нет там места. За день до покорения заветных квадратных метров дом развалился на две половины. Этот дом, то есть развалины, очень долго стоял там памятником.

Все строительство в Мангохто делалось силами заключенных. Их привозили на машинах, а мы, малышня, смотрели на машины как на чудо. Как обычно, взрослые спрашивали: «Кем ты будешь, когда вырастешь?» – мы отвечали: «Заключенным, их на машинах катают».

Принесли в дом маленький комок шерсти, медвежонка, мать-медведицу застрелили, а его пожалели, и мы трехчетырехлетние его кормили, с ним возились, и по очереди брали домой, он был наш, в нашей ватаге. Мы с ним росли, но он рос быстрее, мы всю сгущенку ему из дома перетаскали. Он ее любил, обожал сильно, а просил – встанет на задние лапы, протянет передние и мычит, типа дай. Любимец гарнизона. Уважительное имя у него было – Михаил Потапыч. В гарнизон перевели нового офицера, и никто ему не рассказал про Михаила Потапыча. В нашем гарнизоне удобства были за домом – необустроенная послевоенная Россия, ме-

стами она и сейчас такая. Когда офицерик вышел из заведения, настроение хорошее, мысли другие, а тут ему навстречу вышел Михаил Потапыч – стоит на задних лапах и просит как обычно. Тайга, лес, какое тут настроение – медведь напротив. Выхватил дрожащей рукой пистолет и – всю обойму. Офицера этого втихаря избили, объяснили: «Не служить тебе здесь», он написал заявление о переводе в другую часть. Для нас, малышни, это была трагедия. Как мы ненавидели его. А Михаила Потапыча хоронили всем гарнизоном на общем кладбище. На могиле памятник с красной звездой.

В четыре годика я трижды переболел воспалением легких, и врачи сказали: «Увозите, иначе...», папа отправил нас на Урал, родину свою, в город Орск, Оренбургская область. Нас ждали, встретили, родня большая: две сестры, брат, дед, бабушка, прабабушка. Жили они хорошо. Прабабушка расплакалась: «Какая же ты, Валюша, худенькая, а ты совсем божий одуванчик!». По приезду нас тут же за стол, стол богатый, я этого никогда не видел и ручонками потянулся за картошкой и черным хлебом, я кушать хотел, ведь у нас это был сумашедший деликатес, когда доставали не сушеную картошку. Родня расплакалась. Дед у мамы спросил: «Что, так хреново?». «Ну да, все привозное и сушеное». Дед прошел всю войну, ветеринар. «Ну что ж, что ребенок, что теленок – выходим. Ты, Валюша, кушай». С дедом мы были неразлучны, он называл меня «мой наследник». Иногда я его по малолетству подводил. Дед спирт прятал за иконку, а мне говорил,

святая вода, когда рюмашку принимал и крякал, говорил: «горек чай». Бабуля у меня спрашивала: «Дедушка нигде и ни с кем не пил?». «Нет, бабуля, мы пили горький чай». А я, как дед, когда чай пил, крякал.

Прабабушке было сто десять или больше лет, подвижная, шустрая, добрая и ласковая, но до ужаса не любила татар. Почему, расскажу: Екатерина Вторая для освоения юго-восточных рубежей отправляла боевую сотню казаков, выдавала деньги на приобретение живности, утвари для безбедного обустройства в диких неосвоенных степях. Сотня шла с семьями, где понравится – останавливались, ставили дома и жили, другие сотни шли дальше. Так и происходило тихое завоевание земель. Такое тихое завоевание земель местным татарам не нравилось, мягко говоря. Мужчины пахали, а строевой конь с вооружением был рядом, вокруг селений были вышки для дозора. Татары нападали на селение, хватали женщин, стариков, детей и уводили в полон. Писали грамоты сотнику: «Уходите – и мы вам вернем родню». Казаки объединялись в две-три сотни и совершали набег, угоняли у татар тысячи голов скота и только тогда делали обмен. Таким образом прабабушка три раза побывала в татарском плену.

Папина сестренка, Лида, вышла замуж за татарина. Это было что-то. Прабабушка за ним ходила и протирала тряпочкой все, к чему он прикасался. Прабабушка была очень набожной, может, это давало ей силу. Младшая сестренка, Тая, вышла замуж за еврея. Полный интернационал. Позднее я

узнал про семью отца. Батя мне показывал небольшой сундучок, сказал, что там все бумаги, наша родословная, «хранил его дедушка, после него папа, потом ты». Передается по прямой линии. Вот почему дед говорил «мой наследник». В петровские времена холоп сбежал от барина, поступил в петровскую армию, стал солдатом. Участвовал во всех битвах почти двадцать лет. Не погиб, не покалечен, храбро воевал, обратил на себя внимание командования, продвигался по службе, отмечен наградами. Получил офицерский чин, это тогда дорогого стоило. С него и пошел наш род. Так он привел свою сотню на реку Яик, и казаки стали называться Яицкие. Кто-то из них отметился у Пугачева. Водоворот событий в многострадальной России не обошел стороной и моих прадедов. После войны четырнадцатого года все пришли с крестами, храбро воевали, урядники. Революция семнадцатого года разбросала прадедов в разные стороны. Один с белыми отступая, бился с красными, другой был в анархической банде, третий был красным командиром.

Пути-дороги сошлись в родимом доме, сидели за столом три брата, говорили, спорили, у каждого была своя правда. Январь месяц, стужа, температура минус сорок. Стужа была и за столом. Горька, ох как горька эта жизнь, навязанная простому воину. Надо очень хорошо подумать, да выпито было не мало. Старший, что с белыми был, сказал: «Пойду дорожку до дома почищу, проветрюсь». Как был в рубашке, так и пошел чистить путь домой. Оба брата очень долго и горя-

чо спорили, спохватились – нет старшего. Вышли во двор – старший стоит с лопатой, дорожка домой почищена, и как бы смотрит вдаль. Стояли лютые морозы, за сорок, так и замерз. Что был в банде – остался дома. Что был красным командиром – ушел дальше воевать за свободу, где-то сгинул на полях сражений.

В городок ворвались озверевшие белые, каратели хватали всех, с красными и с сочувствующими не разбирались, убивали показательно. Прадед попросил у полковника: «Позволь одеться перед смертью, мы воины». Полковник разрешил. Вышли старики и калеки все в наградах и в крестах Георгия. Видя, что воины проливали кровь за царя и Отечество, приказал дать по двадцать палок. Многие не выдержали, прадед выжил. Власть установилась, голодранцы хотели иметь все, отобрали все – называется раскулачивание. Звали в колхоз – не пошел. Ловил рыбу, раздавал нуждающимся. До сих пор есть омут Мельникова. Красная власть ничего не давала, чтобы согреть детей, стариков. Он осенью по пояс в воде рубил осоку, складывал на телегу и тащил эту телегу домой, ему помогали дети. Мощный был старик. Перед войной прадед занемог, слег, врачи рукой махнули. Сын его, это мой дед, ушел на войну. Прадед сказал: «Дождусь, он придет, тогда...» Прошу прощения, что не называю имен – все откладывал писать про нашу родословную, отец должен был передать сундучок, в котором собирались документы, сведения, имена. А давать имена выдумано нельзя, нет у меня та-

кого права поганить память. Пусть будет так.

Прадед пролежал всю войну дожидаясь сына, моего деда, Федора. Дед пришел домой после войны. «Да, хорошо воевал, офицер. Соборуйте меня». Его одели в казацкую форму с медалями и крестами. «Все, – сказал он, – я ухожу», и умер. Дед мой, Федор, сильно занемог – инсульт, парализовало, когда я был в восьмом классе. В Орск я приехал, когда был на третьем курсе МВИМУ¹. Когда дед увидел меня в форме, сказали ему: «Будущий офицер». Впервые за многие годы поднял руку и произнес с трудом: «Хабибули, еб твою мать». Что это, так мы и не узнали. Стал сам садиться, сам брился, и все смотрел на меня. Я, чем мог, помогал. В этом же году его не стало.

Наследие семьи перешло отцу. Мы с мамой пробыли в Орске год, я выздоровел, и мы вернулись в гарнизон Мангохто к папе. В памяти осталось, как мы, ребяташки, бегали в казармы к матросам. А причина – вкуснейшая громадная селедка, которую матросы вытаскивали из трехсотлитровых бочек. Божественный вкус, все эмоции были на наших лицах, и это забавляло матросов. Нам давали черный хлеб, и мы, как воробышки, рассевшись на скамейке с наслаждением кушали. Вкуснее и сытнее ничего не было. Матросы нас оберегали, любили как своих, делали нам игрушки, как могли, и мы ими играли, время было такое. Вернувшись из очередной командировки, папа привез игрушку – это был литой черный барабан. Увидя его, я попятился назад и заплакал. Больше

таких чудес папа не привозил. А самое любимое лакомство были консервированные ананасы из Китая, с нынешними не сравнить.

В 1955 году папа обучал экипажи новой технике, американские гидросамолеты нового образца. У папы было прозвище Третий Летчик. Папа постоянно летал с экипажами, обучал и в полетах устранял неисправности. Как-то вынужденно приводнились на реке Амур, поздняя осень. Папа вылез из кабины, устранил неисправность

МВИМУ – Мурманское высшее инженерное морское училище имени Ленинского комсомола (1975—1992), Мурманская государственная академия рыбопромыслового флота (1992—1996), сейчас Мурманский Государственный Технический Университет.

и крикнул «запускай!», летчик запустил. Струей воздуха отца сдуло с самолета. Летун посмотрел: нет никого, подумал, что отец в кабине, взлетел и улетел. По прибытию на аэродром обнаружили – нет Ивана Федоровича, тут же подняли три самолета и начали поиски. Темнеет рано. Папа упал в воду, поплыл к берегу, вода холодная, течение, волна. У папы был первый разряд по плаванию, оставалось метров семьдесят до берега, свело судорогой ноги, плыл только с помощью рук. До берега доплыл, где находится – не знал.

Обычно поиски в море ведут три дня, и сворачивают поиск. Маме так и сказали. Мама сказала: «Я не верю, жив он». Она как закаменела, обнимая меня, часто-часто говорила:

«Нет, нет, жив, он придет, да, мой комарик». Папа встретил местного жителя, им был местный нивх. Через неделю папа был дома. Разве можно описать эти чувства? Папа жив, он с нами. В 1956 году папа прибыл из очередной командировки под новый год, привез елочные игрушки, мандарины, апельсины, и маме букет цветов. Мы были счастливы – все дома, елка, накрыт стол. Папа поднял бокал, досталась и мне капелька. Вместо бокалов были граненые стаканы с шампанским. Сказал: «За тебя, любовь моя, графиня Комарова. Я тебя люблю». Все веселье как рукой сдуло. Мама с папой о чем-то серьезно говорили.

У мамы девичья фамилия Комарова, Валентина Егоровна, до встречи с папой жила в семье, у которых фамилия Горбачевы. В той семье к ней не очень хорошо относились, не знаю, почему. Лида и Толя, мои двоюродные, с прохладцей относились к ней. Даже через тридцать лет, когда я приехал к ним в гости, на мои вопросы не отвечали. Что-то было, а что? После смерти их отца разругались насмерть из-за лодочного мотора. Я пытался их подружить, все-таки родня – нет, не получилось, так и остались врагами в одной деревне, а я не получил ответов на мои вопросы. Мама мне говорила: «Я потом тебе расскажу, маленький еще». У мамы было очень красивое, изящное колечко, она им очень дорожила. Надевала его на свой день рождения, говорила «подарок на день рождения», ей подарила ее мама. Я спрашивал, где оно, мама смотрела на меня – в глазах грусть и слезинки, «По-

том, сынок, расскажу». Мама была сильная духом и властная женщина. В школе принимали в октябрята, меня – нет, по годам не подходил. Как я ужасно переживал, ведь я исполнял роль Сергея Тюленева² в школьном спектакле. И я недостойн? Мама ходила в школу и меня приняли. Как я был горд.

В школу я пошел на год раньше, ближе к окончанию первого класса.

Нам организовали встречу с героем войны, защитником Брестской крепости. Мальчик в двенадцать лет защищал свою страну, Брестскую крепость, боролся с немцами, попал в плен, выжил в лагере, освободили, но направили в Советский лагерь на Магадан – доказывать свою преданность и лояльность Родине.

Эта встреча была с помпой, под присмотром чекистов. Это был немногословный молодой человек, много повидавший. А осталась ли у него вера в то, чему нас воспитывают? Сейчас я понимаю чувства человека под многолетним присмотром палачей. В сорок первом драпали от немцев, бросали дедов, матерей, жен, детей, бежали, но зато потом громко во весь голос: «Вы остались под врагом, не сдохли, работали за пайку хлеба, чтобы жили дети», какие же они суки, мразь человеческая, защитнички. Хотя они тоже участники войны.

В 1958 году папу перевели на запад, опять кого-то учить. Так мы оказались в западной Украине, город Новоград-Волынский. Там я услышал эту историю:

На границе стояла застава, пятьдесят шесть погранични-

ков. В каком году после войны это произошло, не помню. Мужчины, женщины, дети окружили плотным кольцом заставу, обесточили связь и вырезали всех. Не стреляли, а резали с остервенением, злобой. А как узнали. На заставу ехала военфельдшер на новое место службы, подъезжая почувствовала что-то не то, бывшая фронтовичка. Издалека увидела эти изуверства, развернулась и – в ближайшую военную часть. До этого часто пропадали солдатики. Поднятая по тревоге военная часть танками три деревни сровняла с землей, никого не жалея, всех под корень. Потом военную часть расформировали и распределили по всей стране. На месте заставы в честь погибших пограничников поставили памятник, стелу высотой пятьдесят шесть метров. Стоит ли стела сейчас в этой бэндэровской стране, не знаю.

Сергей Тюленев – один из лидеров Молодой Гвардии.

В 1959 году папу перевели в Белоруссию, гарнизон Быхов. Крупная военно-воздушная база, здесь базировалась морская дальняя авиация, стратегические бомбардировщики ТУ22, тогда новейшие. Папа, как всегда, был в составе экипажа, проверял, как осваивают новую технику. Было рядовое учение, отработка заправки ТУ22 с танкера. Но что-то пошло не так, небольшая ошибка привела к трагедии, самолет попал в струю, врезался в танкер. Колоссальный взрыв, гибель двух бортов. Папа был там. До гарнизона информация быстро дошла, и все застыло, заморозило. Система авто-

матического катапультирования сработала, из пламени папу выбросило. Папа был без сознания, весь в ожогах. Парашют сработал, и его вынесло на сушу, только парашют в воде, тянул в воду. Папа как-то умудрился отстегнуть его и выползти на сушу. Это произошло над Цимлянским водохранилищем. Была суббота, и очень много было на воде прогулочных катеров, на набережной прогуливались отдыхающие. Отца быстро нашли, оказали медицинскую помощь. Повредил позвоночник, сломана рука, ожоги. Из двух экипажей папа был единственным выжившим. На похоронах папа ходил от гроба к гробу и просил прощения, что остался в живых. Это было жуткое зрелище. Одна истеричная баба начала кричать, обзывать его. Женщины ее быстро утихомирили. Мама увела отца домой. Когда Хрущев стукнул ботинком по трибуне, вся дивизия в течение двух-трех часов снялась и улетела. После сирены тревоги, рева двигателей – тишина, и опять – неужели война... Через месяц гул авиационных двигателей разорвал тишину. Родные, любимые вернулись, все загорелые, веселые и опять, где были – ни слова. Потом, через десяток лет узнал – на Кубе.

Так получилось, в гарнизоне своей школы не было. Она была построена недалеко, в ста метрах от проходной. Мы, одноклассники, семь парней и семь девчонок, своей стаей ходили в белорусскую школу. Я был небольшого роста и вместе с Володей Носовым возглавлял нашу стаю. Все дети офицеров. Вместе с нами учились и белорусы, у нас не было ника-

ких проблем. Меня посадили с девочкой, несколько упитанной, полная, потная, меня аж трясло, к тому же она ко мне неровно дышала. На первой парте сидел сынок председателя колхоза, здоровее всех нас, рожа жирная и наглая. Чувствуя свою силу, на переменах задирает всех, кто слабее его, вокруг него собирались его подданные. Нас не задевали, мы держались вместе. Всегда в костюме, рубашка с галстуком. А один раз совсем обнаглел. Доска к уроку не была готова, вся исписана. Клавдия Олеговна попросила этого дылду сходить намочить тряпку и привести доску в порядок. Просто он сидел на первой парте и попался. Он нагло: «Тебе надо – ты и иди» и заржал. Она растерялась, сжалась, как от удара. Я встал, взял тряпку, сходил намочил и вытер доску, все это под ржание дебила. Потом подошел к этому подонку и что было сил врезал по этой харе, прямо в нос. Сказал: «Сядь, гнида, и слушай урок, после школы поговорим». Размазывая кровь по роже, с плачем выбежал из класса. На следующий день папаша и мамаша приехали в школу на автомобиле. Было такое поразительное сходство между сыном и родителями. Директор школы построил все классы на площади. Завуч зачитала приказ, и отстранили меня от школы на десять дней. Перед школой я срывающимся голосом заявил, что не потерплю хамства по отношению учителям, буду защищать маленьких от всяких дебилов, меня так мама с папой учат. Маленький герой-семиклассник. Ко мне вышла вся наша стая и все ученики с гарнизона с разных классов,

очень много вышло и белорусов. Школа раскололась пополам. В школу мы не ходили пять дней, – видать, дошло, и нас простили. Сынок председателя колхоза куда-то пропал, больше мы его не видели.

В центре городка Быхов решили что-то строить, экскаватор капнул, и посыпались кости, черепа, кресты. Копать начали на немецком кладбище времен войны, где похоронены летчики германской армии. Черепами играли в футбол, выдирали золотые коронки, потрошили гробы, короче, мародерствовали. Пока кто-то не слил информацию в ФРГ. Огородили, ждали гостей из ФРГ.

У нас учитель рисования, старый партизан, небольшого роста, истинный белорус, выставил череп – рисуйте. Ктото начал, я отказался, сказал: «Череп с того кладбища и рисовать не буду, давайте будем рисовать на каждом уроке кого-то из нас». Он ходил с метровой деревянной линейкой и, когда кто-то провинится, хлестал ей. «Рисуйте, а остальное не ваше дело!». Я рисовал неплохо, вернее, мне лучше удавалось срисовывать. Я нарисовал черта с хвостом, но с линейкой, с очень похожей головой и большими ушами, и послал по рядам. Он засек непонятное движение и фыркание учеников. Перехватил листок и злобно посмотрел на меня. Я не подавал вида, сосредоточенно рисовал горшок. Линейкой треснул меня по руке, хотел треснуть по голове, как делал это обычно. Я успел перехватить линейку и сломать об колено. С невинным видом передаю две половинки: «Двумя ру-

ками удобнее, но не смей никогда детей бить». На перемене мои сорванцы его сильно отвлекли, а я ему в портфель засунул боевую гранату. С оружием, гранатами, минами в Белоруссии все было просто. Зашел в лес, нашел траншею, и копай – чтонибудь найдешь. Представляю, что он почувствовал, когда увидел гранату в портфеле у себя дома. Утром в школу на урок Белорусского вошли завуч, учитель рисования и милиционер.

Меня попросили выйти и поехать с ними. Идя через весь класс, я на белорусском процитировал: «А хто там идзе, а хто там идзе, то идзе кривда³». Мне нравилось быть на виду. Привезли в милицию, там вопрос – где взял гранату, и почему положил учителю, это же... «Я маленький мальчик, учусь в седьмом классе, какая граната? Да вы что, учитель на меня наговаривает. Я не хотел рисовать череп... Может, он стащил череп с кладбища, может, еще чего, мордует нас. Я сказал, нельзя так делать, иностранцы приехали надо отдать, вдруг генерал... Граната, наверное, его, он партизанил. Вы его проверьте, он детей избивает палкой». Вру и несу оклеветанную с невинным видом. Приехали к нам домой, обыск, мама в недоумении. «Мама, они бомбу ищут. Надо сказать Игнат Петровичу, это полковник по полит. части. Кто мародерствует на кладбище, и кто покрывает...». Извинились, ушли, я все рассказал маме. Череп пропал, линейки нет, рисуем цветочки. Красота.

Меня все-таки приняли в пионеры. Наша компания

справляла дни рождения вместе, родители готовят стол и уходят. В один из вечеров папа возмущенно говорит маме: «Понимаешь, война закончилась давно, вытравили нацизм, живем мирно. Но нет, дети обкомовских, райкомовских работников, как и наши дети устраивают вечеринки, дни рождения. Как это возможно, совсем немного времени

«А хто там идзе, а хто там идзе, то идзе кривда» – строчка из стихотворения белорусского поэта Янки Купалы.

прошло после войны, в республике, где зверствовали эсэсовцы, с великим патриотизмом сопротивлялся народ. А сейчас власть Советская и партийная, щеголяют на своих пьянках в эсэсовской форме, врагов... Врагов ли. И нас, простых работников, школьников воспитывают по работам Ленина, Сталина, ставили в пример героев войны? КАК?! ПОЧЕМУ?!». Кто-то куда-то капнул, органы серьезно покопали. Когда обыск был у Первого секретаря обкома партии, у него в шкафу висел мундир эсэсовского генерала, во как. Очень многим поотрывали головы, быстро и тщательно разобрались. В центральной прессе ничего не было. Все это доведено на закрытых партийных собраниях. Если это тогда творилось, что говорить про нынешние времена?

Родители посовещались и решили нас как можно больше приучать к спорту и приставили к нам Сергея Николаевича. Военный прапорщик, спецрота, после ранения, правая рука Павла, близкого друга Клавдии Олеговны. Мы занимались

легкой атлетикой, плаванием, борьбой, самообороной, конным спортом, парашютным спортом, знакомились с оружием, стреляли в тире. Нам больше нравился волейбол, навыки выживания, навыки обороны. Нам нравились коллективные игры. У нас хорошо получалась игра в волейбол. Мы как-то подтянулись, стали крепче, выносливее. Сергей Николаевич палку не перегибал, к каждому находил подход. На общих посиделках решили – если все сложится, и все будем вместе, после восьмого класса устроить турне по Белоруссии, местам боевой славы. Закончили восемь классов, все решили учиться дальше. Была проведена подготовительная работа за зиму и весну, родители согласны, а мы – тем более. И мы на велосипедах тронулись в путь.

До этого я рассказывал, что встречался с пареньком, защитником Брестской крепости. По ТВ выступал писатель Смирнов, который поднял вопрос о защитниках. Фильм вышел, так что вперед. Это было не путешествие, не турпоездка – сплошная учеба, тренировки, и все было до ужаса интересно. Вечером уставшие разбивали палатки, готовили пищу у костра сами, что наготовили, то и ели. Как это здорово. И слушали рассказа Сергея Николаевича, – где он только не был. Дежурство по ночам не отменялось, все по-серьезному, мы на «вражеской территории» На обратном пути мы пересекали очередной лесной массив, вышли на дорогу времен войны. На сотни метров растянулись телеги, танки, мотоциклы и много, много скелетов. Видать, разбомбили при отступ-

лении, с тех пор так и лежат. Самое страшное другое – Солнце, тишина, а вокруг сплошные поля белых грибов. Души, души умерших солдат встали и несут свою вахту. Мы разговаривали шепотом, не нарушая священной тишины. Сергей Николаевич нанес точные координаты, приметы и потом по прибытию доложил по инстанциям. В августе месяце мы вернулись. Эта поездка сильно нас изменила. Я вместе с любимой учительницей Клавдией Олеговной уехал в город Могилев на математическую олимпиаду. Я завоевал второе место. Как радовалась и гордилась моя учительница.

По учебе у меня все было хорошо, кроме английского и белорусского, которые мне не нужны, так я решил. И этим даже бравировал – вот какой я, выделяюсь. Но там же в Могилеве к нам в гостиницу заехала подруга Клавы. Она от меня была без ума, и как-то очень незатейливо надавила на самое больное место, мальчишеское самолюбие. Все, чем я гордился, выделялся, ни что не достойно настоящего мужчины.

Клава получила известие, что ее любимый не вернется – погиб, убитая горем она по дороге шла домой. Ее насмерть сбил автомобиль, пьяный водитель. Господи, как я переживал! В девятом классе у нас была новая учительница по английскому, Любовь Андреевна. Я подошел к ней и попросил: «Помогите. Буду делать все, что скажете». Она жила в соседнем подъезде, помогла, загрузила по самые уши. Я, как одержимый, изучал, зубрил программы с пятого по девятый

класс. С помощью Любови Андреевной я доказал себе, что я могу, умею – вот это главное. Папа ходил расстроенный, о чем-то думал, вечером он рассказывал маме. Им на партсобрании сообщили секретные документы ЦРУ. Тайная доктрина борьбы с СССР.

Малолеток и молодежь сбить в ватаги, банды. Возглавлять должны уголовники. Духовно отдалять от старших, от пионеров, комсомола и т.д.

Среднее поколение отвлечь на более насущное – материальное благосостояние, улучшение финансов.

Старшее поколение, кто воевал, кто работал на заводах – оболгать, запугать. Они виноваты в войне, отдалить их от среднего и молодого поколения.

Какая умная программа – так далеко заглядывать, жить, подталкивать и ждать, пока они сами себя не сожрут. И это у них получилось.

Папу послали учиться в академию в Киев. Немецкий он знал, а вот английский – как я. Как говорила Любовь Андреевна, я хорошо развернулся, даже почитывал газеты. Папе присылали курсовые, и я постарался сам сделать, понес к Любви Андреевне разобраться что да как. Сказала, что молодец, есть небольшие ошибки. Как я возгордился – Я УМЕЮ, Я МОГУ. Я закончил девятый класс, папа получил назначение в другой гарнизон, опять кого-то учить. Мурманская область, гарнизон Североморск 1. Я попрощался, со своими подружками, со своими друзьями и уехал в далекие

края.

Глава 2. Север

Едем на поезде в Североморск 1, Мурманская область, очередной переезд по службе у папы. В голове опустошенность – расстался с друзьями без надежды, что встретимся когда-либо. Судьба военных семей и их детей. Планы на десятый класс нулевые, приедем – тогда узнаем. Приехали.

Папу на работе очень ждали – востребованный специалист. Только про его семью не подумали. Куда поставить чемоданы, да и все остальное, мест нет. Предложили временно пожить в гостинице – это после жизни в двухкомнатной со всеми удобствами. А тут мрак – четыре человека в одной комнате, туалет, кухня, санузел в конце коридора – занимай очередь. Договорились: свет горит – занято, не заходить. Нас четверо и их трое. Лето, солнце не заходит, двадцать четыре часа светит, тяжело привыкать. Занавешивали окна одеялом, так и жили. Потом нас переселили, вернее, подселили в трехкомнатную квартиру, выделили одну комнату, двенадцать-пятнадцать квадратных метров, как в гостинице. Только все удобства не в конце коридора.

Вторая семья – Максим, старший лейтенант, летчик, жена Наташа и маленький, только родился, плакал день и ночь. Максим иногда приходил домой под градусом и поколачивал Наташу. Она кричала: «Не бей по голове, у меня высшее образование!». Она была дочка первого секретаря обкома Оренбурга. Умом не блистала, ухаживать за мужем и

ребенком опыта не имела. Мама с папой не воспитали, не к тому готовили. Зато вывеской и фигурой любой даст фору.

В школу ходил в Североморск, тоже гарнизон, только военно-морской, база Северного флота. С утра по шпалам, опять по шпалам, по железной дороге, красота, почти километр. С документами пришел к директору, она приняла: «Класс там, иди, тебе все покажут». Захожу в класс, там сорок два гаврика, я сорок третий. «Здравствуйте, я новый ученик, где можно приземлиться?». В ответ тишина, пришел – ну и что, дикое равнодушие. Сел на заднюю парту, смотрю. Пришел учитель по физике, поздоровался, мазнул взглядом по классу и стал читать лекцию, делая записи на доске. Прозвенел звонок – собрал записи и ушел. Даа...

Так прошел день, все разошлись, никто меня ни о чем не спросил. Часа в три пришел домой разгоряченный, потный, смотрю – ванная свободна, надо успеть помыться. Нырнул в ванную, стою под душем, наслаждаюсь горячей водой, шторка закрывает ванну, чтобы на пол не попадало. Голова намылена, моюсь, открылась дверь, вошла Наташа с ребенком на руках, невозмутимо отодвинула шторку и говорит: «Я своего помою, а то он обкакался». Халатик на груди разошелся, видны груди. Картина маслом, от неожиданности руки на голове застыли, смываю мыло, лихорадочно думаю, что делать. Это голова думает, а низ нет. Пока она мыла свое чадо, я так и стоял. Помыв ребенка, сказала: «Спасибо» и ласково провела рукой по тому, что не думает. Она ушла, я так и стоял

под душем и соображал, что это было. Я много знал и умел, Клавдия Олеговна со своей подругой, Светой, многому меня научили. Что произошло, то произошло, остается как воплотить это в реальность. Реальность произошла по инициативе Наташи, она старше и знает, чего хочет. Жизнь ученика десятого класса пошла по-другому, главное – не вляпаться. Оба мы были крайне осторожны.

Папу через полгода перевели инженером дивизии в другой гарнизон, Североморск 3. Получили трехкомнатную квартиру, не верилось. Пришел в школу, дал аттестат директору, – «Очередной троечник прибыл. Ты как, учиться будешь? Или...». Я промолчал, хамить не стал, но меня заело. Полгода в Североморске мне ничего не дали, не до учебы было, надо теперь догонять. В классе четырнадцать учеников, все на виду, каждый день спрашивают. Засел за книги, учу, папе так и делал задания по английскому. Директриса, Эльвира Магомедовна, учитель по английскому, по совместительству жена командира дивизии. У нас с ней не сложилось взаимопонимание. Она напишет красиво на доске текст, все переписывают и потом заучивают слово в слово. А я уловлю общий смысл и пересказываю своими словами, так меня учила Любовь Андреевна, я так лучше воспринимаю. К госэкзаменам подготовился, сдал неплохо. При сдаче английского языка попросил комиссию меня экзаменовать, отвечать Эльвире Магометовне не буду. Комиссия была из района. Экзамен я сдал на пять. Как сказал член комиссии,

я лучший ученик по английскому, несмотря на низкие показатели за полгода. Получать аттестат зрелости я не пошел – посиделки и концерт не для меня, мама сходила, забрала. Когда мама получала аттестат, директриса при всех пожурила маму за меня, что я вот такой-сякой. На что мама спокойно ответила: «Вы бы, Эльвира Магометовна, пересмотрели свой подход к детям и к преподаванию английского языка. Мой сын третий год посылает работы по английскому языку в академию, где ставят зачет».

В школе работал завхозом мужчина, Петрович, лет шестидесяти, мощный старик, молчаливый, всегда что-то делал, мастерил, лошадь всегда ухоженная. Запряжет лошадку в телегу, и поехал выполнять распоряжения директрисы, все проходимый транспорт. И курил только махорку, которую было трудно достать. Родители были в Мурманске, попросил купить махорку, они купили, и я подарил старику. Он курил молча, а я сидел рядом.

Прихожу в школу, там общее построение. Наш завхоз одет во все чистое, вокруг военные, лошадь в цветах. Зачитывали торжественно, как положено, возвращали из небытия героя войны, забытого по недоразумению тыловых работников. Наш завхоз был не просто разведчик, а супердиверсант, трижды приходили похоронки, посмертно награжденный, воскресал и боролся дальше. Военком собрал все данные, нашел героя войны и в который раз воскресил Григория Петровича. Немалого роста Петрович становился как бы

выше, люди вспомнили и оценили его. После линейки его больше никто не видел.

Куда пойти учиться, на кого учиться – никаких мыслей. Мама хотела, чтобы я стал учителем – мирная профессия, подальше от военных. Папа: «Никого неба. Куплю картуз, как у грузина. Не будешь видеть небо!», – хотя все наши предки служили Родине, все были военными. Решать что-то надо, решили – поеду в Ленинград, в Педагогический институт. Мама довольная, папа крикнул, промолчал. В 1961 году были в Ленинграде, посетили Эрмитаж. Там я спросил у гида, что за орден, и показал ему – на ордене было написано «ЗА ВЕРУ И ВЕРНОСТЬ». Экскурсовод опешил, позвал кого-то. Орден давался высшим церковным санам за храброе участие в боевых походах, носился на ленте через плечо. Парадокс – в 1961 году его в Эрмитаже не было. И я не отдал. Под Быховом у речки Днепр друзья-офицеры копали фундамент под дом. Лопата обо что-то ударилась, а я крутился там рядом, в нужном месте в нужное время, комок откинули в мою сторону, так он оказался у меня. Кроме того, я собирал старинные монеты, папа помогал.

Меня проводили. Куча напутственных слов, поехал в Ленинград. По пути познакомился с ребятами, они ехали поступать в военное училище Имени Ленинского Комсомола (подводный флот). При подаче документов мне вежливо отказали – нет мне восемнадцати, я декабрьский. Меня задело, дошел до председателя комиссии, не помогло. Дошел до на-

чальника училища, контр-адмирала. С пылом и патриотизмом доказывал, что мне здесь место, потомственный военный, а тут какихто пяти месяцев не хватает, и терять двенадцать. Видя мой напор и целеустремленность, дал добро, на себя взял ответственность: «Сдавай, потом что-нибудь придумаем, коли так». Математику сдал на пять, физику на пять, и тут по училищу поползли страшные слухи, одни страшнее других, да с подробностями. Трагедия на подводной лодке, атомоходе, много жертв и название – Имени Ленинского Комсомола. Гибель под водой страшнее вдвойне, у меня где-то перемкнуло, всплыло все детство с прощальным маршем, учиться расхотелось. Как уйти? Завалить экзамен. Да и рано мне сюда поступать. О том, как добивался возможности, что придумывал – не вспоминал. Надо завалить экзамены. Следующий экзамен сочинение. Пишу название – «кратность – сестра таланта», рисую матроса в бескозырке, подпись и сдаю. Офицер по полит.части со мной провел беседу, за нарушение дисциплины получил три наряда, это армия. На весах две пятерки. Я промолчал. Наряд на камбузе – чистить котлы, мыть посуду, драить пол и т.д. С шести утра до полуночи марафон. На камбузе все делал молча, у меня была цель. Меня привели на пересдачу, и я повторил. После меня привели к адмиралу, он был взбешен. «Я взял тебя под свою ответственность, а ты, засранец!...» и т.д. Не буду примеры приводить, да и какое может быть оправдание засранцу? Я знал, что я не прав, он говорил чистую правду. «Ну что же,

ты свой выбор сделал, вспомнишь наш разговор... – вызвал наряд, – Этого засранца посадить на поезд до Мурманска, к мамкиной титьке, военкомат разберется. Послужишь щенок, послужишь». Я все время молчал, пытался что-то вставить, но куда там.

А что делать дальше? Не хотелось расстраивать родителей. Пока ехал, познакомился с парнем – он ехал поступать в пединститут. По волне кривая вывезет, раздолбай, никакой целеустремленности. У прохожих узнали, как пройти в пединститут, двинули по направлению. Был я в Мурманске проездом и ничего не знаю, познаем город оба. Навстречу шел молодой человек в матросской форме – лихо надета мичманка, брюки клеш, на рукаве знак отличия. Я спросил, где учиться, на кого. Гордый ответ: «Средняя мореходка, учусь на механика, а училище через два квартала». Я задумался – что-то близкое, родное. Смотрим, идет пара, девушка с офицером, да нет, с курсантом – пять нашивок, белая рубашка с галстуком, офицерский китель, брюки клеш. Остановил, спросил, где училище. С нагловатым превосходством, рисуясь перед девушкой, сказал, где стоит Высшее военно-морское инженерное училище. Я окончательно созрел. Другу: «Леша, пойдем в пед, узнаем, что и как, потом в мореходку».

В пединституте узнали всю кухню по подаче документов, когда экзамены. Пошли в мореходку, там прием документов заканчивается через три дня. Время для меня спрессовалось, побежал в военкомат, куда должны доставить документы или

уже доставили. Как я там добивался своих документов, с каким остервенением! Как мне сказали, надо распоряжение военкома. Я к нему – «Невозможно, через два дня получишь». Не подействовало даже то, что ночевать негде, в гарнизон без документов не пустят. «Это твои проблемы». Братская солидарность, военком во время войны с адмиралом на одной лодке служили. Два дня провел на ЖД-вокзале, голодный и злой. В военкомате сказали «завтра приходи». Сказал, что иду писать заяву в прокуратуру и в горком партии, и что я несовершеннолетний.

Мне выдали документы на третий день, последний день приема в мореходке. Я сдал документы одним из последних. Помог мне седой мужчина в годах, меня обо всем спрашивал, на кого подаю, – «На судоводителя? Хорошо. А может, на электромеханика?» – как-то ненавязчиво спросил. На экзаменах я увидел этого мужчину, позже узнал – декан электромеханического факультета, Быховский, умнейший человек, большой ученый, автор многих книг, автор учебника эл-тех для судоводителей. Обратил на меня внимание, помогал, потому что я до ужаса похож на его сына. Сын погиб в Ленинграде в Блокаду. Когда я увидел его фотографию, я как будто посмотрел в зеркало. Бывает же такое. На судоводительский факультет был строгий прием. Три потока не показали нужное количество абитуриентов, на четвертом потоке сделали послабление. Снизили проходной балл, даже сделали набор кандидатов на платное обучение, пока кто-то

по учебе или дисциплине не вылетит. Сдав экзамены, я набрал четырнадцать баллов. Вывесили списки сдавших экзаменов, Быховский подошел и попросил перейти к нему на факультет с такими знаниями. Я извинился и сказал: «Если буду – то только наверху, буду капитаном». Он меня опекал до четвертого курса. Я был у него дома. Когда он приглашал, я не мог отказать. Там я увидел фотографии его сына. Как говорили второкурсники, главное – выдержать первый курс, от мамкиной титьки в суровую школу с дисциплиной, постоянной учебой, привыканию к общественной пище. Ходить голодным тяжело, и что только не съешь, за счастье выловить кусок вареного сала, бррр...

На первом курсе учили высшую математику, контрольные, коллоквиумы, – просто решение на доске во время занятий проводил уникальный преподаватель, Фокин, первый начальник Училища. У него была уникальная привычка – декламировать Маяковского. Смотрит, кто-то тупит и не может решить, он к нему подойдет и тихо: «Ты слышишь, стучат, стучат колеса поезда, ты еще можешь успеть». Все, человек в ауте. Курсант решает у доски, и встал он: «О ужас, выжег из железа стон, по большевикам прошло рыданье, – и трагически, – иди, беги!». Впадаешь в ступор. А он непосредственно выявлял неспособных к учебе. Только из-за математики было отчислено около сорока человек. Контрольную за семестр я решил быстро и перевернул лист с расчетами, помогал соседу. Что-то заподозрив, подошел ко мне,

увидев чистый лист говорит: «Даа... Ты, как стрела пущенная из лука, попадешь домой». И так мило улыбается. Я перевоорачиваю лист: «По большевикам прошло рыдание», он: «Смотри мне. Иди, сдавай».

Родителям вешаю лапшу на уши, мол в пединституте сильно занят, все неискреннее вранье. Учился неплохо, беспокоила только химия, в которой знаний было ноль, а тут молекулярная химия, что делать? В школах учителя химии были молоденькие девушки, но для нас одна беда повальная – эпидемия на беременность, потом сохранение, и – международная тройка без знаний. Самое поразительное другое – на первую лекцию по химии входит очень, очень похожая на Клавдию Олеговну, небольшого роста, красивая женщина тридцати-тридцати пяти лет, модно одетая. У меня сердце ухнуло вниз, я всю лекцию не сводил с нее взгляда. Она представилась – Маргарита Олеговна. После занятий я подошел к ней, спросил разрешение задать вопрос. Я ей рассказал, что в школе не получил никаких знаний, объяснил причину, а тут молекулярная химия, как быть, что делать, с чего начать? «И скажите, у вас не было сестры, Клавдии Олеговны?». Она очень пристально на меня смотрела: «Да, Клавдия Олеговна моя сестра, только...». «Знаю, я был ее учеником в городе Быхове, извините». «Клава мне писала про удивительно талантливого мальчика. Я дам тебе с чего начинать ты справишься». Удивительна судьба с ее выкрутками. Она уходила медленно, не такой уверенной походкой,

какой пришла. Я же смотрел на нее, в голове с катастрофической быстротой все проносилось другая жизнь.

Курс химии вытянул, сдал на твердую тройку, уходя, сказал, что позже приду и пересдам на лучшую оценку, если она не против. На третьем курсе написал заявление в деканат на пересдачу экзамена по химии. Долматов, это декан судоводителей, меня почему-то с первых дней называл Виктор Иванович, оттого что самый молодой на курсе. «Виктор Иванович, тебе это зачем? Оно никуда не идет». «Я обещал пересдать и дал слово». Я, пересдал на твердую четверку, это была моя последняя встреча с прошлым.

Мурманск портовый город, и где-то в октябре-ноябре участились случаи избияния всех, кто носит морскую форму. Местные окружают и избивают. Я готовился заступить на вахту вестибюля общежития и разговаривал со сменщиком. Входная дверь открылась, и вошел, вернее, ввалился пятикурсник – вся шинель изрезана, весь в крови, рухнул. Тут же сыграли тревогу, вызвали скорую, я с аптечкой – к нему, перевязал. Крови много потерял. Скорая приехала минут через двадцать, забрали и увезли. Не довезли пятикурсника.

Все училище очень быстро построилось на плацу, и без офицеров. Командовали старшины рот. Сообщили в Среднюю мореходку и морпехам.

В 15:00 в черной форме, молча, поротно, быстрым шагом – на Пять Углов. Это центральная площадь города, там

порезали пятикурсника. Быстро окружили – первый-второй курс – внешнее кольцо, третий-четвертый – среднее кольцо, пятый-шестой – в центре. Команда – кому от пятнадцати до сорока лет – жестко учим, особенно уголовников не пропускаем. Средняя мореходка основательно прошлась по беспокойному рабочему району, можно сказать, перестарались, детвора в форме. Военные как бы рассыпались патрулями в другом районе и очень жестко реагировали на сборища в два-три человека, выучку отработывали.

Я находился в крайнем ряду, наблюдал. Милицейская машина прорвалась через наши кольца, и полковник начал качать права. Машину перевернули, полкаша хорошо схлопотал по роже, темно-черная форма. Так же молча построились и пошли не спеша в училище – дело сделали, не трогайте. Команда – привести себя в порядок, у кого травмы, по домам – у кого есть. В город ходили группами четыре-пять человек, при малейшем неуважении в нашу сторону, отводили за угол и очень больно объясняли.

Начальник училища, контр-адмирал Партнов, отдыхал на юге – вызвали. Построили училище на плацу, большая милицейская делегация, во главе генерал, чекисты и наш адмирал. Генерал обвинял нас в беспорядках, в отсутствии дисциплины и т.д. Голос из народа: «Ты бы, легавый, валил отсюда, а то как полкаш ляжешь. Порядок в городе сами наведем», и гробовая тишина. Наш адмирал молчал. Генерал со своей свитой покидал плац под свист и улюлюканье. Наш

адмирал: «Тихо! ЦЫЦ!», и тишина. Прошелся вдоль строя, остановился. «Своего мы похороним, – после паузы, – МОЛОДЦЫ!»

Где какая заваруха – жители звонят в вышку, среднюю и военным – а там, как всегда, вовремя и жестко. Милиция не вмешивалась, наблюдала со стороны. Помню, в клубе были танцы, и местные обижали курсанта. Позвонили девочки, до училища метров пятьсот. Клуб был окружен, попросили девушек выйти, ну а всех остальных пропустили через бляхи. Три милицейские машины стояли в стороне. Наверху решили, как узаконить, и ввели совместное круглосуточное патрулирование по всему городу, один милиционер и четыре-пять курсантов. Город был взят в жесткие рукавицы.

Досталось и мне – срочно прибыл на переговорный пункт, поговорил с папой, и с хорошим настроением иду через дома, и нарвался. Крепко досталось, но отмахался и сбежал.

В роте, держа печень в руках, рассказал, как было дело и где, их науськивал тридцатилетний вертлявый. Решили в субботу навестить ребят. Четыре дома создают коробку, а по центру находится зона отдыха – беседка, скамейки, там по вечерам и собираются те, кто нам нужен, местные заводилы, шантрапа. В субботу зашли с четырех сторон и – в палисадник, а они все здесь как на ладони. Мы очень быстро и жестко разобрались, особенно с разрисованными, тех – в хлам. Тот, который на меня науськивал, тут тоже был, за нож схватился зря. От пальцев до локтя обе руки – в холодец, и быст-

ро удалились.

Самое удивительное, на Сахалине, в городе Невельск, в то же время те же проблемы – избивали одетых в морскую форму. Хорошо спланированная операция, как по копирке. В действиях тех – указания ЦРУ, о которых я писал. В газетах за кордоном страстно писали о восстании моряков в Мурманске и Невельске. Какие умные, гады, ждут, готовят и из-под полы бьют. А наши продажные твари не знали что ли?..

Как отмечалось в сводках МВД, преступность в городе резко сократилась, только больницы забиты больными с черепно-мозговыми травмами и переломами рук и ног. После – шесть лет учился, и никаких нападений, все тихо. И тогда мне стало понятно, почему немцы моряков называли ЧЕРНАЯ СМЕРТЬ. Дисциплина, взаимовыручка, братство, самоотдача, надо выполнить и довести до конца. Может, у них, моряков, это в генах?

Я понял, это мое. На первом курсе была начертательная геометрия, я сдал на пять – чертить, рисовать я умел, папа научил. Даже подрабатывал, делал чертежи старшекурсникам. Когда сдавали без замечаний, то по таксе – меня в пельменную. Первый курс – другие условия, учеба, дисциплина, все впервой, кушать хочется. Хотя столовая нормальная, но не то, я не втянулся. Пельмешки покушаешь – человек, учиться хочется. После первого курса практика на УТС¹ «Байкал». По окончании приехал к родителям в Севе-

роморск 3. Приехал в форме, папа крикнул, мама промолчала. «Все правильно, сынок. Я не думала, что ты меня слушаешь. А как хотелось видеть тебя учителем».

После второго курса производственная практика, свободный выбор, хотя список, где можно устроиться, был у каждого. Я выбрал небольшую контору небольших промысловых судов. Практика три-четыре месяца, большие суда ходят шесть-девять месяцев. Захожу в контору и в кадры, там двое седых о чем-то спорят. Затихли, на меня смотрят. Доложил, кто и зачем. Один другому: «Вот смотри, готовый третий, бери». Оба смотрят, как кобра на лягушку. Я – за дверь, мне оба: «Стоять!». «Мне нужен третий помощник и боцман. Кем пойдешь? Я Старпом с ТХС² «Бодрый». «Да я...». «Научим да покажем. Все, Митрич, пиши направление боцманом, найди третьего». Идем на судно, я пытаюсь что-то сказать, что только второй курс окончил. «Научим, не боги горшки обжигают». Зашли на судно. Вокруг трюма сидят суровые мужики, всем за сорок. Старпом: «Это боцман, как тебя, Виктор Иванович». Да, Виктор Иванович, боцман наш, поняли, ждем третьего. Мужики раздвинулись, как звать-величать слышали, и они мне спокойно все рассказали, чем занимается судно, куда ходят. Развозим снабжение, продукты по точкам, «Ну, вы поймете». Такого не может быть, я что, в другом мире? «Если что непонятно, вы спросите лучше, мы все объясним. Вот только одно, и это обязательно как молитва запомните – это УТС – учебно-тренировочное судно.

ТХС – транспортно-холодильное судно.

только у нас и никому постороннему не говори, табу». Я про себя: «Ну точно, разводят, издеваться будут. Да, посмотрим». «Когда капитан скажет приготовить якорь к отдаче, как это делать – покажем, всегда спрашивай: “Степан Николаевич, на какой якорь становиться будем, какой готовить?” Он подумает и скажет: “Сегодня на правый становиться будем”. Запомни и не спеши». «Почему?». «У нас нет левого якоря». «Как? Я шел и видел два». «Да, видел, но левый деревянный». Вот так приколы. «Запомни», – главное, серьезно и без улыбки. Мое первое знакомство с морским юмором.

Развозили снабжение, продукты по поселкам, военным точкам, гидрометстанциям. Как-то раз нас в спешном порядке загружали, привезли перед отходом офигенный торт и роскошный букет цветов – доставить через сутки, спецзадание. На гидрометстанцию, для одной пары. Как приехали во время войны, так и живут, и работают. Сын, летчик, погиб на этом мысу. Как мы бережно несли все это на берег. Женщине букет – это святое.

По поселкам был один запрет на грани уголовного закона. За продажу, обмен чего-либо на водку с местными эскимосами – статья, и карали серьезно. Продавец магазинчика – внештатный сотрудник милиции. Моряки мне подсказали, когда поняли, что я неболтливый, за литр шила³ можно получить голубого песка. В одном из поселков эскимосов, весь поселок три-четыре чума, напросились в гости. Мне было

очень интересно, как там живут люди. Напросились, естественно, с шилом. Старик с ходу смекнул, что-то женщине неопределенного возраста на своем сказал, та кинулась из чума. Через минут пятнадцать мы сидим вокруг кострища, мясо варится, старик нам подал по кружке чая. Я все осматриваю, два моряка о чем-то шепчутся со стариком. Женщина дала знак, мясо готово, разлили по граммулке. Старик жадно выпил и качается из стороны в сторону, покуривая замысловатую трубку, и напевно что-то говорит. Морячки смотрят на меня, а я на мясо налегаю. По вкусу как баранина, да нет, что-то другое. Потом мне показали, что за мясо – собачатина. Я – старику и женщине: «Мясо нормальное у вас есть?» «Да, да, сейчас» – и опять что-то варится. Как меня не вывернуло, не знаю, наверное, взрослою.

Шило – издавна на русском флоте «шилом» называют чистый спирт или напиток из спирта, разведенного в произвольной пропорции водой.

Старик сидел, качался, потом встал и мне: «Пойдем». Завел в какой-то закуток и говорит: «Витя Ивановича, я старый, моя дочка молодая, корошая, работающая, мне нужно дитятка». А дочка, «красавица», эта женщина, что варила разделанную собачатину, стояла рядом. «Смотри, какая она корошая». Та с себя сняла меховое национальное изделие. Прищурившись, призывно улыбается, груди слегка отвислы, живот слегка выпирает, ноги кривоваты, и чувствовалось

давно не мытое тело. «Да, да, хороша, только оденься, холодно, заболеть можно». Старик показывает на сундук, метр на полметра и высотой сантиметров семьдесят. «Возьми ее, а я тебе вот это дам», – и открывает сундук. Там сверху шкурки голубого песка, много, а под ними аккуратно уложенные пятидесятирублевые пачки. «Ты молодой, она молодая, все для вас будет». В голове у меня картина: сидит в чуме Абдурахман ибн Витя, грязная старуха, куча кричащих детей, собачье мясо, вместо музыки завывание ветра. И деньги, много денег. Прекрасная перспектива и романтика.

У меня от такой перспективы ничего не шевельнулось. «Дедушка, тут подумать надо, с кондачка не решить. Пойдем выпьем, поедим мяса, опять выпьем, подумаем. У меня много дел там, дома, с папой-мамой поговорить надо. Сам знаешь, святое – папа, мама, нельзя так быстро решать, все-таки брать в жены – это...». «Корошо, хорошо, а может, попробуешь, какая моя сладкая дочка? Папе с мамой расскажешь». «Дедушка, пойдем выпьем за радостную весть. Поговорю с папой и мамой и приеду, ты только жди».

Он из сундука вытащил три огромные шкурки голубого песка. «Маме от меня, она у тебя корошая, скажет корошо, и ты приедешь». Я приобнял будущую жену, шкурки засунул под рубашку, и мы пошли к морякам. Там деду чуть больше подливали. Наелись оленины. Попрощались, ты только жди.

Практика закончилась, но меня ждал сумасшедший сюрприз. Наше государство придумало нечто от великого ума:

кто дважды в один год поступал в ВУЗ – призываются в армию. Я – в деканат с повесткой. Декан Долматов посмотрел, выслушал меня, я рассказал все, как на духу. С ним – к начальнику училища, Партному. Я второй и первый курс закончил на одни пятерки, а тут... Это приветище из Ленинграда.

Я, конечно, не молил «помогите и заступитесь», глядя на меня, все и так понять можно было. «Я поступал, когда мне не было восемнадцати лет». Они нажали на свои рычаги, и этот вопрос отложили до окончания училища. Выпускались лейтенантами, и какая-то часть шла в армию служить один год.

Когда я родителям рассказывал про сватовство, все дружно расхохотались, «Повезло тебе, сынок, ой как повезло», «Мама, а тебе – с тестем», – и достаю голубого песка. Потом, через какое-то время (сразу нельзя, возникнут вопросы, где приобрели, у кого, время такое) нашли мастера, и у мамы появилась обалденная шапка. Папа: «Ну ты у нас королева!»

Самый интересный и богатый на знания был четвертый курс, учеба по специальности. Встреча с корифеями науки, на учебниках которых учится вся страна, да и весь мир, вот они, живые, рядом. Профессор Ольховский – промысловая навигация, гений в своем деле; профессор Долматов – астрономия, навигация; профессор Логинов – теория качки; профессор Быховский – электротехника для судоводителей. Учиться было очень интересно и в то же время сложно. До-

бавить ко всему этому себя любимого, взрослою, гормоны играют, но успевал.

После четвертого курса – стажировка в армии и морская практика на промысловых судах. Я попал на рыболовный траулер «Гранит», чуть больше СРТМ⁴, угольщик. С корочками матроса I класса меня взяли на должность матроса III класса, директором ящика. Рыбу из трала выливают на палубу, огороженное место – это и есть рабочее место директора ящика. Из ящика рыбу подавать, голова к голове, на рыбодел, где матрос II класса отрубаёт голову рыбе своеобразным способом, туфелькой, у каждого вида рыбы своя туфелька; следующий, уже матрос I класса – шкерит (очищает от кишок) и сбрасывает в трюм. Там солёный (полковник) пересыпает солью и складывает штабелем. Последнее ОТК⁵, и продукция шла в Норвегию. Если что не так – берёт рыбищу, выползает из трюма и по роже

СРТМ – средний моторный морозильный траулер.

ОТК – Отдел технического контроля – самостоятельное подразделение производственной организации, которое осуществляет независимый контроль соответствия продукции установленным требованиям. Здесь – проверка этим отделом.

тому, кто запорол. Все молча, и все понимали – на холоде не повозникаешь, себе дороже. До сих пор отголоски – от мороженые кончики пальцев. Кто последний приходит на

судно – ему место директора ящика. Голову к голове не подал – рубщик с рыбодола сбрасывает, тоже молча. А если зубатка скользкая, зубатая, метровая, бывает и больше...

На траулере делали рыбную муку, брак туда шел, рыбий жир и консервы, стоял один автоклав. На что поступал заказ, то и делали. Работа тяжелая, на морозе, палуба, открытая всем ветрам. Моряки грамм сто пятьдесят рыбьего жира выпьют, покушают и дальше работают. Мне – «Попробуй». Я-то помню рыбий жир, что в детстве мне пихали, брррр. Попробовал и я – ничего противного нет, тонизирующий только. Угля хватало на двенадцать-четырнадцать дней. В порт, заправляемся углем.

Как обычно – то двигатель не работает, то лента транспортерная порвется. Как у Райкина – кирпич есть, раствора нет. И всегда приходилось таскать вручную. Если кто помнит фильм про Максима Горького – у них было приспособление с деревянной подставкой, такое же и у нас. Таскать – бог с ним, а вот сидеть в бункере и раскидывать его – это что-то. Закидали и – в море, благо пар – всегда отмоешься. Как-то молодые кочегары укачались, матрос III класса и юнга. В топку подбрасывать уголек и следить за давлением. Пар всему голова. Пришлось песню выучить: «Не в силу я вахту стоять... сказал кочегар кочегару...»

Мурманск, 1970 год, зима, снега навалом, выюга. На автобусной остановке скопилось ну очень много народа, как обычно, конец дня. Автобуса нет долго, народ поразному к

этому относится, в основном чаша терпения переполняется. Я тоже стою и мужественно жду, от холода приплясываю, держа в руках коробку с тортом. Пригласила в гости меня девушка. Цветы не взял, денег не хватило, да и откуда у курсанта лишние деньги? На ленточку денег не хватило, но мне перевязали какой-то бечевкой.

Из пурги вывалился битком набитый автобус, отдуваясь, затих, люди посыпали оттуда. Как брать штурмом автобус, мы все помним, тем более в зимнее время. Исхитрился залезть и я, держа над головой торт.

Мы все стояли так плотно, особенно я, прижатый к молодой женщине. Мои губы касались ее лба. Я делал вид, что стараюсь отодвинуться, но мои неуклюжие попытки ни к чему не приводили. Я успокоился, ехать аж восемь остановок. Симпатичная девушка на мои попытки не реагировала, только подозрительно и очень внимательно смотрела наверх. Потом на меня и опять наверх. Ну, тоже посмотрел наверх. Блин, веревочка с одной стороны лопнула, коробка подозрительно накренилась. А этот водила, чтоб он... таксист хренов, дрова везет, болтает нас, как не знаю кого. Под мышкой у меня мельтешила усатая голова пенсионера, глаза у него выкатились, и в такт движениям коробки ходили туда-сюда. Автобус резко затормозил, нас кинуло в одну сторону, потом в другую. Веревочка лопнула, крышка отлетела, торт, переворачиваясь, упал вниз. Как я долго его выбирал, чтобы много было крема, я так его люблю... Торт упал между мной и

девушкой, не забыл он задеть и пенсионера. Картина со стороны – крем на моем лице, на девушке и на усах пенсионера. Рядом дико заржал мужик, пенсионер вспомнил весь словарный запас времен гражданской войны, но сделать ничего не мог – руки заняты авоськой, только пытался длинным языком слизать крем с усов. Девушка страдальчески смотрела на меня и постоянно повторяла: «Только в креме не ходила». Наблюдая за проворным пенсионером, решил слизать крем с девушки. Торт лежал на груди у нее и в так движениям автобуса балансировал между нами. Я лизнул, она выпучила глаза и лягнула меня в то самое место. Я дернулся, торт начал скользить вниз между нами. Качка автобуса усилилась, мы его разминали своими телами, потом ощутили, что стоим на остатках этого злополучного торта. Мужик, захлебываясь: «Ой я сейчас описаюсь», ноги его, скользя по крему, поехали в сторону, и он сел на задницу. Падая, судорожно за что-то схватился, это была могучая рука дородной тетки, и вырвал у нее авоську с большой свежей рыбиной, которая пошла гулять по всему автобусу. Вzbесившаяся тетка треснула мужика по темечку, есть подозрение что тот, как и обещал, описался. Тетка визгливо заорала: «Моя рыбка, где-то в автобусе!». Ктото заметил: «Ну ни хрена себе, с таким здоровьем и рыбку имеет»

Девушка: «Мальчик, ты куда ехал?». «В гости», – ответил я весь в креме, – «А сейчас никуда, выходить буду». «Я тоже». Так мы и вышли на одной остановке, а автобус, удаля-

ясь, увозил с собой всех участников этого небольшого инцидента. Я неуклюже пытался оттереть ее снегом, но масло размазывалось по ее шубе. Я глупо спросил: «У вас есть стиральная машина? Я постираю». Почти весело она ответила: «Есть, ну пойдем». К Маринке я ходил полгода, пока не пришел ее муж.

Начало пятого курса, стажировку на правах мичманов проходили в Лиинахамари. Распределили на каждую лодку по восемь человек. Мы попали в экипаж резервной лодки. На ней годки (моряки, заканчивающие службу) балом правят, на нас наезжали. Мы решили проблему радикально – ночью тихо встали, годка – с кровати, в рот – кляп, и привязывали к кровати. И так всех. Утром подъем, а тут такое – на корточках, да всю ночь. Мы построили экипаж, нас давай распекать: «Да кто позволил?! Да мы...» Конфликта нет, все в ажуре.

Помполит попросил сделать плакат. Я сделал хорошо, спросил, может, еще что-нибудь, или ремонт какой – мы можем, нас четверо. Он узнал, говорит – надо ремонтик сделать одному офицеру. Я ему озвучил нашу таксу: покушать и пузырь. Так мы пошли по рукам. Делали качественно, покормились, выпили и на ПМ⁶ «Столбов», где квартировались. Нам хорошо – служба идет, и людям помогаем.

Подкатил к нам полковник, шишка по политической части, только прибыл, и надо ремонт всей квартиры. Я нагло: «Вам сказали, на каких условиях мы работаем?». «Ну да».

Утром привезут, мы работаем, его жена что-то приготовит. На третий день заканчиваем, осталось пол покрасить, жена только что-то готовить, он – ей: «Я им заказал на «Столбов», им оставят». Весь день покушать нет, спиртного нет, до Столбова два километра пешком.

Жена виновато на нас смотрит, руками разводит, а этот... Ну мы им и покрасили, так, что краска не будет сохнуть. Он к нам подошел: «У вас краска не сохнет, надо доделать». Недалеко стояли офицеры, курсанты и матросы, у всех вытянулись уши в мою сторону. Мой ответ ему: «Слушай ты, козел, подождешь. Она, как у тебя совесть появится, так и высохнет. Пошел на хер, я себя на помойке не нашел. Ты нас голодных выгнал на мороз, и мы два

ПМ – плавучая мастерская.

километра шли по выюге в темноте на «Столбов», а там никто не знал, что ты звонил, козел, оставить нам покушать. В Мурманске появишься, сволочь – отмудохаем. Ты понял, вали от сюда». И нагло на него смотрю. «Да как ты смеешь со мной так разговаривать, да я тебя...». «С козлами так и разговаривают. Я тебя предупредил. Дернешься – нас здесь сотня, не забывай. У своей женщины учись, она умнее». Больше мы никому не делали ремонт. Нас уговаривали, мы – «Нет, извините. У вас гаденыш-полковник всю нам охоту отбил. Какая вера вам?». Ему пришлось краску сдирать, сушить, потом красить.

После стажировки сходил на БМРТ⁷ «Компас», на юг, за кордон. Рейс был хороший, я себя хорошо зарекомендовал. Капитан сказал: «Если в Мурманске останешься, возьму тебя к себе на судно» и дал рекомендательное письмо в училище.

Пятый курс, спецпредметы, особенно качка, преподаватель – профессор Логинов. Это как надо любить свой предмет и так досконально его знать! На пальцах и всем телом нам показывал качку и попутно исписывал доску интегралами. Нам было не до смеха. Мы видели и понимали качку – какое-то волшебство. Из семидесяти билетов только семь билетов про качку, теория вероятности – не попадет, и не учил. На экзамене попалась качка. Кладу билет и ухожу, укачало. Я засел за качку, как крот грыз, я не только понял и изучил, но и разобрался с чертежом и интегралами. Я даже давал мастер-класс по качке. Пересдавал Логинову сразу, без подготовки к доске и все дела. Но это не все. На государственном экзамене мне попался убойный билет – качка фишлупа «Кальмар» (рыбопоисковый прибор с электросхемой), заумная формула по астрономии, промысловая навигация. Нехилый вопрос. Именно этот госэкзамен и назывался Ералаш. Удивительное для всех – я пошел к доске и начал сходу писать интегралы, чертеж и объяснять качку. Говорил медленно, вдумчиво. Главное – нагло показывать знание качки с ее интегралами, а там посмотрим. Ответил, перехожу к астрономии и медленно начал выводить формулу.

Долматов заинтересованно смотрел. Я очень долго колдовал с математикой и все же получил нужную формулу. Долматов подошел к доске, перечеркнул на середине и говорит: «Надо было сделать

БМРТ – большой морозильный рыболовный траулер. так, а ты пошел аж до Луны». «Скажите, в моих расчетах есть ошибки? Нет. А как я сделал – мое решение. Вы нас как учили? Главное – добиться конечного результата. Тогда зачем перечеркивать, если правильно решил?». Долматов развел руками: «Ну да, верно, но через Луну». Ответы на остальные вопросы комиссия слушала вполуха. Я сдал Ера-лаш, вышел, – «Где мой стакан?». Мне налили, я выпил и – портфель в окно – это такой ритуал, заведенный задолго до нас, и мы соблюдали традицию. В этот момент вышел Долматов, о традиции он знал. «Да, не ожидал такого от тебя. Я не о традиции, нет. Об экзамене. Какой умный и наглый подход! Виктор Иванович, если ты придешь и покажешь, что стал капитаном, я с тобой в ресторан схожу».

Защита диплома прошла в рабочем порядке, и я ждал распределения и ответа из Москвы, подтверждения об окончании МВИМУ и распредкомиссии. Было сказано – первая десятка по учебе остается в Мурманске. Я седьмой, но по дисциплине труба. Пока суд да дело, познакомился со смазливой девочкой, ее родственница, тетка, гнобила ее, держала за домработницу. Ее родители в деревне угорели, детей отда-

ли в интернат. Она со временем перебралась к тетке в Мурманск, братья в деревне, а деревня в Чувашии. Такая запущанная, неустроенная, но учится на товароведа в техникуме. Мне стало ее жалко, да и красивая. Училище закончил, я все могу, я исправлю это, сделаю жизнь лучше. Никакой любви, только дурацкое чувство долга. Зачем... Даже расписались, ведь я смогу ее сделать счастливой. Сделал...

На распределении кому куда, сидел московский чин, весь такой важный. Я предоставил рекомендательное письмо капитана, сказал, что женат, да и по учебе, как говорил ранее, седьмой. Всей первой десятке – «Вы нужны на Камчатке», и мне тоже говорит. Я ему чуть ли ни матом, где видал Камчатку, «У меня законное право!..». «Вы подумайте в коридоре, мы вас пригласим». Захожу второй раз, «Ну как, согласны на Камчатке поработать?». «Нет. Значит, слушай, поеду на Сахалин, в сраную деревню Невельск, там пивзавод есть. Попью и уеду в Мурманск. С такими знаниями себе работу найду». После меня человек восемь на Сахалин пиво пить поехали. Меня и других уговаривали – может, на Черное море, Одесса, Севастополь? Нет, Сахалин. «Мне направление на хер не надо, так поеду на Сахалин». Разговор был на высоких тонах, нет авторитетов, когда такой обман.

Обрадовал Ираиду – поедем на Сахалин, мир повидаем. Сначала к твоим, в деревню, потом к моим родителям. Так и порешили. Приехали в Чебоксары, город в Чувашии, красивый, зеленый, чистый. Мощная гидроэлектростанция в Но-

вочeboxарске. Встретили нас хорошо, но время поджигает, поехали в деревню, недалеко, в десяти километрах. Приехали, деревня большая, триста, может, больше домов, но почти все дома заколочены крест на крест досками, жилых чуть больше двадцати. По всей деревне стоят деревянные навесы высотой пять-шесть метров, длиной по двадцать метров, на них хмель вьется. Где-то читал, что самое лучшее пиво делали в Чувашии, все хвалили, вот и попробую, коль приехал. Парадокс – в десяти километрах мощная гидроэлектростанция, а в деревню свет не проведен. Жизнь в светлое время, потемнеет – керосиновая лампа, и вьется в печурке огонь, и, о чудо, увидел, как горит лучина. Я не выдумываю, да, лучина, обалдеть! Я спросил, а как пиво можно попробовать. Хозяева: «Да, конечно, сейчас все будет». Когда ехали, по пути купил две бутылки коньяка. Холодильников нет, радиоточка не работает, в печке трещат дровишки. Принесли сорокалитровый молочный бидон, на нем деревянный ковш литра на два. Мясо соленое нарезали. Чтобы не портились продукты, их солили. Сейчас бы сказали – реалити-шоу, но это настоящая жизнь в стране-победительнице. Бидон открыли, и мне, как гостю, первый ковш. В ковше что-то непонятное, желто-коричневое, молочного цвета, а запах недозревшей браги. Попробовал – как есть недозревшая брага. Спрашиваю: «А пиво где?». «Так вот же», – показывают на бидон. Тоска. Налил себе полстакана коньяка, выпил, закусил сервелатом магазинным и наблюдаю, как давно, в чуме. Полумрак, потрес-

кивает печка, бадья с пойлом, извиняюсь, с чудесным забористым пивом, а вокруг вроде как родственники. По кругу гоняют ковш и разговаривают на своем чувашском. В доме какая-то неухоженность, можно сказать, не видно руки хозяйки. Ковшик под рукой, зачем что-то убирать? У эскимосов подметено уютно, по центру очаг, огонь, варится что-то, даже собаки. Спросил у соседа, как до туалета пройти, он мне: «Да за угол дома зайди». Зашел – там какая-то женщина сидит. Я назад, за другой угол, ищу туалет, а нет его, по чувашскому штату не положено, демократия – что хочу, то и делаю... Как мне стало противно, что я наделал, бежать, ночь на дворе, надо утром. На чем и где спали – промолчу. Слышу, коровы мычат, спросил молочка попить. Мне в ответ: «Вон ведро, сколько хочешь надои». Промолчал, помыл руки и пошел к корове. Вспомнил фильм «Когда казаки плачут», гирю не привязывал к хвосту, вымя протер и пытался за соски подергать. Эта грязная корова дергается, не понимает меня. Достало. И я со всей силы ей в лобешник, ведро пнул, злой в дом. Поехали.

Сравнить есть с чем, где ты, моя эскимоска? Думалось бросить здесь эту прелесть, которую с трудом, со скандалом заставлял подмываться, менять белье, купил все мыться, а то покрасится, а шея черная. Не было у нее ничего, все купил, деньги были, чистоту вбивал. Мысль была взять билеты на теплоход, да по Волге до Астрахани, а там до Орска. К этому времени папа закончил службу, демобилизовался. Биле-

ты надо заказывать, заранее. Не получилось, и слава богу – тот теплоход под парами чувашского пива въехал в мостовой пролет, жертв было очень много. Не судьба.

К родителям в Орск мы приехали, мама посмотрела, общалась, и мне: «Ты решил, сынок? Как же тебе тяжело будет. Взялся за гуж не говори, что не дюж. На Сахалин едешь, может где и встретишь Комарову Бажену

Казимировну, может быть. Тетка наша... С АлександраСахалинского была давно весточка. Остальное как-нибудь потом, у нас еще будет время поговорить». Уезжая на Сахалин, я сделал большую глупость – взял с собой мой чемоданчик с коллекционными монетами и орденом. Папа говорил: «Оставь, сынок, целее будет». «Ну что ты, папа, у меня вроде семья, дети будут». Ну хорошо. А где было бы лучше, так и не скажешь.

Глава 3. Сахалин 1. Плавбаза

Сахалин, Сахалин, Сахалин, остров хороших, удивительных людей и не менее удивительных животных. Невельск, небольшой рыбацкий городок, где очень крупная рыбохозяйственная база тралового и рефрижераторного флота, где плавбазы, транспорт, БМРТ, траловый флот. Также в городке есть рыболовецкий совхоз чего имени, не скажу, там РС⁸ и хорошая ремонтная база. Градообразующие предприятия. Не забудем про пивзавод, где просто отменное пиво. Пиво варят два японца, оставшиеся после войны. Два ходовых ресторана и два пивных бара, стоящих на берегу залива.

Приехали и – в отдел кадров. С вышки, молодой, работы навалом. Только жена не вписывалась в эту радость. Жить негде. Я им на их радость и говорю: «Вы напишите на моем направлении, что не нуждаетесь в таком ценном кадре – нет жилья. Я буду вам признателен, поеду в Москву и покажу эту пропечатанную бумажку тому дерьму, которое меня помимо моей воли прислало сюда», – мило улыбаюсь. «Меня ждет капитан в Мурманске, у меня его рекомендательное письмо». Нас отправили в гостиницу для моряков. Меня на первом этаже поселили, жену на втором. Так внезапно, это временно. Месяц на разных этажах, любиться бегали в сопки. Романтика.

Получил направление на СРТ «Наказы», в костюме, при параде иду по причалу, смотрю вверх, ищу судно. А оно вровень с причалом, метров сорок. Делать нечего, захожу. Мне матрос показал, где вахтенный. На вахте второй

РС – рыболовный сейнер.

помощник капитана сидит, пишет что-то, на краю стола тарелка с чем-то красным, водка в шкафу, со стороны не видно. Говорю: «Вот направление третьим. Капитана нет, старпома нет, что делать?». «Садись, мы заканчиваем ремонт, и пойдем работать. Вот и все. Выпьешь?». «Да». «Я Володя». «Виктор». Налил стопки, выпили, закусь вот она. Так я познакомился чимчой. Очень острая капуста, она до сих пор со мной.

Узнал – форму можно пошить в городе Холмске, в часе езды от Невельска, шьют за день. Торговый техникум есть в Южно-Сахалинске. Как говорил капитан Врунгель – как назовешь судно, так и поплывешь. Живой организм СРТ «Наказы». Пришел на первую самостоятельную вахту, познакомился со старшим помощником. Геннадий Васильевич небольшого роста, в форме, белая рубашка с галстуком. Весь аккуратный, отглаженный, видно заботливую руку жены. Дейтельный, на ходу решает все вопросы. Я с ним кручусь, вникаю в работу.

Подошел повар, мужчина лет пятидесяти, килограмм на сто двадцать, лицо красное – с утра поддал. И противным голосом канючит, что печка не работает (печка работает от солярки), тяги нет, труба забита, надо прочистить – дым на камбузе, мочи нет. Боцман чистил – не помогает, надо пробивать. Он знает как, на другом судне как-то пробил. Позвали боцмана – да, пробивал пиротехнической промысловой ракетой – получилось быстро и классно. Старший помощник задумался. Я – ему: «Нельзя, разнесет». Боцман: «Да мы, на СРТ «Простор» ракетой бухнули, и все! Главное – быстро». Боцман, как говорят, старый больной моряк и тоже под градусом. Старший помощник поверил опыту. «Говоришь, быстро?». «Ну да». Время поджигает. Боцман добро получил, я быстро пошел на палубу, подальше от камбуза. Старший помощник с камбуза выгнал всех, встал в дверях следить. Боцман – к трубе с ракетой. Старпом крикнул боцма-

ну: «Давай!» – и дали... Чугунная камбузная плита – вдребезги, вся мазутно-дизельная гарь – в разные стороны, а в дверях стоит старший помощник. Он повернулся, весь с ног до головы в мазутно-дизельной гари, только глаза блестят на черном фоне. Боцман испарился. Все искали седьмой угол от гнева старпома. Я никогда так не смеялся.

Ремонт продлился десять дней. Восстанавливать плиту камбузную надо, она из чугуна, служила тридцать лет, а тут... После вахты мы со старшим помощником поехали в Холмск за формой. Пришли в ателье, там два седых, небольшого роста мужчины и обстановка – как показывают в фильмах до революции. Два старых-добрых еврея. Зашли, встали у стойки. Один – другому: «Мойша, посмотри, кто там». «Да я уже вижу, молодым людям нужен фрэнч для моря, не так ли?». Старпому: «Вам у нас понравилось, что часто посещаете нас?». А у меня в голове: «Скажи, чтоб я так жил». Мойша нам: «Молодые люди, мы вас видели. Попейте пива и приходите к семнадцати ноль ноль». Я хотел напомнить, что нас не замеряли. Мне в ответ: «Молодые люди, мы вас посмотрели». Удивительная страна Сахалин. Вышли на улицу. «Геннадий Васильевич, ну что, по пивку?». Правда, идти четыре остановки. Но мы же не на работе, и двинули в нужном направлении. Какойто непонятный шум позади нас. Догоняет нас процессия, сопровождаемая звуковой какофонией, шумом и криками толпы. У меня потихоньку отвалилась челюсть – впереди толпы лошадь, запряженная в теле-

гу, лошадь в цветах, в телеге гроб. Я вижу – в гробу борода-
тый старик, одетый в тельняшку. Когда поравнялась повозка
– в гробу козел, одетый в тельняшку. Толпа, человек пять-
десят-семьдесят, кто во что горазд – стучат, кричат, играют
на баяне, гитарах, идут весело. Позади процессии едет ми-
лицейский воронок, не хватает скорой помощи. Козла зва-
ли Яшка, давно прибился к пивбару, там и обитал. Налют
пива – он и доволен, к вечеру не на ногах, в канаве. Так и
тянул лямку, местная знаменитость. Бичи всего Холмска со-
провождают его до пивбара и потом, если сил хватит. Хо-
рошее пиво на Сахалине. К семнадцати пришли в ателье,
нам: «Молодые люди, осталось только пыль стряхнуть и пару
пуговиц пришить». Надел форменный пиджак – сидит, как
влитой. Расплачиваясь, я сказал: «Вы гении». Они смущен-
но улыбались.

Скоро конец ремонта, и я отпросился у капитана смо-
таться с женой в Южно-Сахалинск, оформить документы в
техникум. В техникуме документы приняли, только учись.
Своей говорю: «Поехали на автобусе, посмотрим Сахалин».
Подъехали к Невельску, в нем один единственный шлагбаум
через железную дорогу, но это произошло. Сообщение при-
шло смотрителю шлагбаума – вроде должен пройти поезд.
У нас в стране смотритель шлагбаума, уборщик в театре и
сторож – великие люди. Тот, недолго думая, перед лошадью
опустил шлагбаум. За лошадью с повозкой встал запорожец,
после него – джип, за ним – мотоцикл с коляской, за мужи-

ком сидела очень крупная тетка, багажник завален всяким скарбом. Тихо подошла старушка с козой, встала рядом с лошадыю. Все терпеливо ждут. Городской автобус стоял в стороне. Это неизбежность – поезд все-таки. Радостный от содеянного, смотритель шлагбаума с гордым видом расхаживал с красным флажком около своей будки, взгляд его строгий уперся в лошадь. Лошадь прожила целую вечность, наверное, Антон Палыча Чехова возила по Сахалину, устала от суеты, положила свою голову на шлагбаум. В инструкции об этом не сказано. Смотритель заорал на возчика: «Убери своего скакуна! Поезд пройдет, ушей не найдешь!». Обеспокоенный таким поворотом дел, балдой водитель кобылы натянул вожжи, обалдевшая ото сна лошадь рванула назад. Телега въехала в запорожец, автоматически лысый водитель сдал назад, спасая свою ценность, въехал в джип. Из джипа вывалился какой-то бандит, разводя пальцами, и шепеляво: «Ты че, козел, в натуре?!», – посмотрел на передок, сел в машину и сдал назад, подмял мотоцикл. Скарб вывалился из коляски, тетка неуклюже сползла с коляски, туго обтянутая кофточка лопнула, пуговицы полетели, сильно набрякшая грудь вывалилась. Крик стоял страшный, искали виновного. Поезд прошел, смотритель поднял шлагбаум, балдой водитель кобылы рванул, где только прыть взялась у кобылы? Видать, поняла, что грозит. Но тут дикий крик бабули перекрыл всех – коза висела на шлагбауме. Все кинулись спасать козу.

Ремонт закончился, все заняты получением снабжения,

продуктов, приведением в порядок орудий лова. У судна остановилась милицейская машина, из нее вышел замначальника кадров, Семен Семеныч, мне: «Поехали». Приезжаем в пивбар, что стоит на берегу Татарского пролива, заходим, кадровик громко, перекрывая гул в баре: «Моряки I класса и трал-мастера есть?!». Откликнулись, к ним мент, в машину, кадровик кого-то ведет, мирно разговаривает. Приехали на судно, мне: «Их – в судовую роль, документы потом». Обалдел я, такой найм людей на суда видел в кино про времена парусного флота. Удивительная страна Сахалин. Чтобы народ не разбежался, отошли от причала на внутренний рейд, встали на якорь. Сижу, готовлю судовую роль для властей, команда по матюгальнику (судовая трансляция): «Якорь отдать, три смычки». Смычка – двадцать пять метров якорной цепи. Якорь пошел, и тут же дикий истошный крик, аж по телу громадные мурашки побежали. На якорь встали, вовремя застопорили цепь. При отдаче якоря цепь выходит из цепного ящика, а оттуда полезли кости, кровь, рваная телогрейка матроса Фролова. Все в оцепенении. Вызвали милицию. Картина у брашпиля⁹ – капитана бьет нервная дрожь, труп на судне, куда уж больше? Серьезный следак осмотрел все снаружи, записал, открыли цепной ящик, спустился один. Нельзя допускать на место преступления – следы затрут. Десять-пятнадцать минут тишина. Из цепного ящика раздался хохот. Ну все, от ужаса у следака крыша поехала. Хохочущий следак выползает из

цепного ящика, глаза веселые, следов ужаса нет. Все на него настороженно смотрят. Как выяснилось, получая продукты, плотник завернул в телогрейку тушу замороженного барана, и – в цепной ящик. Потом хотел утащить домой, да забыл, был балдой. Я у старпома: «Геннадий Васильевич, скажите, у вас здесь всегда такая веселая жизнь?». Тот задумался, на меня смотрит и серьезно говорит: «Да нет, все началось с твоего прихода». Я: «Ну тогда дальше будем веселиться».

Судно было приписано к рыбзаводу, залив Терпения, восточная сторона. Снабжаем его рыбой, иногда постоим день-два, все вручную. Причал сделан из мощных бревен. И где только такие бревна водятся? Осталось от японцев. Из порт-пункта Паранайск пришло штормовое предупреждение – смерч. Очень редкое явление на Сахалине. Появление южнее Паранайска и общее направление южное. Смерч изменил направление на восток-юго-восток, как раз на нас. Бежать нам некуда, в море тем более опасно. Завели дополнительные концы, ждем. Нарастающий гул, стало темно, как ночью, сумасшедший ветер, швартовые лопаются. Вместе с боцманом кинулись заводить концы на берег, причальные бревна ходят ходуном, несколько бревен лопнули, как спички. И вой ветра, ты букашка. Забежали в помещение, ждем. Эта природная сила подняла железное

Брашпиль – механизм выборки якоря.

сорокаметровое судно, оторвала от причала и аккуратно

поставила сбоку причала так, что вода с правого борта – сорок сантиметров, с левого борта – десять сантиметров, остальные три метра в грунте. Не было удара – подняла и положила. На все это непотребство природа потратила около тридцати минут, ураган зародился и рассыпался. Когда он рассыпался – жгучая тишина, солнышко светит, потом прорезалось птичье пение. Спасательная операция длилась дней пятнадцать – стащили на воду, по судну мы сделали двенадцать цементных ящиков. Нас – на усы¹⁰ и – в порт Невельск.

Там решили ремонтировать. Старпом, глядя на меня, молча ушел. Со вторым помощником, Владимиром Михайловичем, повздорили. Мне – типа сбегай, я ему не так ответил – чуть не подрались, тоже ушел. Я пошел на повышение, дали нам одну комнату в малосемейке, одноподъездный деревянный двухэтажный дом. Отдельная комната – это много значит. И как я хотел иметь семью. Как сказал великий поэт:

DOMINE LIBERA NOS A AMORE¹¹

Семья

На Руси это издавна чтимо,

Это в нашей, наверно, крови:

Чтобы женщина шла за мужчиной

В испытаньях, в скитаньях, в любви.

Чтоб его признавая начало,

Все тревоги в себе затая, Все же исподволь напоминала –

Мы не просто вдвоем, мы семья.

Чтобы мудрость в себе находила,

Распрямясь пред сыновьим лицом Повторить с материнскою силой:

«Посоветуйся, сыне, с отцом!» Чтоб, все страхи снося в одиночку, Говорила, измаясь в конец:

«Обними-ка отца, слышишь, дочка, Что-то ныне устал наш отец...»

Усы – буксирное приспособление.

DOMINE LIBERA NOS A AMORE – (лат) Господь, освободи нас от любви.

И глядела бы с явной отрадой,
Как теплеет любимого взгляд,
Когда сядут за стол они рядом,
Как, к примеру, сегодня сидят... Мы едины любовью и верой, Мы едины землей и трудом.

И распахнуты дружеству двери

В наш добротный, устойчивый дом...¹²

Родился сын, но при родах что-то пошло не так. Ираида в больнице, сын в больнице на искусственном питании. Я радостный под окнами, – СЫН РОДИЛСЯ. На мои вопросы, что с Ираидой, врачи затруднялись ответить. Сильное кровотечение, вроде остановили, а как дальше... Сына в окно показывали, этот живой комочек синюшный. Что с ним? Не ест, не хочет и не может есть ту дрянь, что ему совали, и кричит. В результате грыжу накричал. Мне медсестра тайком сказала: «Ты бы его забрал да откормил молочком», – даже дала адрес владельца коровы, – «иначе потеряешь его».

Короче, я украл сына. Помогла медсестра из роддома. Домой привез, предварительно приготовил молоко. Он жадно поел и уснул, а я смотрю на свое чудо, а у него цвет лица меняется, становится нормальным. С больницы ко мне пришли, хотели забрать ребенка. Я им очень популярно объяснил: «Смотрите, какой карапуз. Что, убить хотите? Да я вас здесь кончу. Пошли вон!». Я попросил девочек купить, что надо для ребенка, и они много объяснили, как воевать с ребенком. Я с ним гулял в любую погоду, за молоком бегал в деревню два километра. Туда два км, обратно, коляску с сыном оставлял в коридоре, просил, если заплачет – покачать, не плакал. Через месяц Ираиду подлечили, выписали из больницы. Все заботы возложил на нее. Она уже с моей помощью закончила техникум и работала товароведом. Потом получил однокомнатную квартиру, новострой. Воду подавали из скважины, из крана шла минеральная вода. Не вода, а прелесть, холодная минералка, пьешь и не напьешься. Но нашлась какая-то зараза, и воду стали хлорировать.

стихи Татьяны Кузовлевой.

Первый промысловый рейс в Охотское море, на селедку. Работа по старинке – выметываются триста сетей (сеть пятьдесят на десять метров), после подходят к базам – это «Скала» или «Кавказ», построенные в 1908 и 1912 году. Берут бочки двухсотлитровые в трюм и на палубу. Через сутки выборка сетей – стрела опускается на палубу, из механизмов

– только брашпиль. Сеть подтягивается к борту, накидывается на борт, вдоль борта становятся моряки и вручную выбирают сеть. Ее перекидывают через стрелу, растягивают, и потом суровые мужики становятся с двух сторон и трясут сеть, вытряхивают рыбу из ячей. С палубы селедку – в бочки, и так триста сетей при любой погоде. Бывает шуба – когда в каждой ячее рыба. Итак, день за днем – триста сетей в воду, выбрали, улов – в бочки, к плавбазе на сдачу, взятие бочек. Путина остановки не терпит. Такой каторги я нигде не встречал. Ее даже нигде не описывали. Пальцы костенеют, не сгибаются, и, чтобы заполнить судовой журнал, ручку вставляешь между пальцами и стараешься писать. Чешуя прилипает к телу, холодно, тяжело, путина, мать ее... Зато на столе такая вкусная, да под пивко и водочку, да. Хорошо и тяжело, когда шуба, а когда голяк – тоска. Я все время спрашивал особенности лова сельди – где, как и при каких условиях и температурах. Все записывал не только на бумаге, но и в мозгу. Теоретическую базу получил, практическую пропустил через горб. На селедку – ни ногой, наелся.

Путина кончилась, идем на переоборудование, готовимся к минтаевой путине. Подошел к другому капитану, у него списывался второй помощник. Предложил себя, хочу получить знания и опыт. Он меня взял. Это очень опытный, грамотный, успешный капитан. Бортовое траление это я уже видел в Мурманске. Наше судно приписали к Японской базе Хойемару.

Работа несколько проще, но свои прибабахи. Трал за борт, выборка, рыбу в трюм. При сдаче водой заливаем трюм, и из трюма – ложкой¹³. Везде нужны навыки, но легче, чем на селедке. Был и трагикомичный случай:

Я третий помощник капитана, вахта с 20:00 до 24:00. Вре-
мя было около полдвенадцатого, идем с тралом по полынье.
Тишина, по горизонту огни судов, большая

Ложка – приспособление для вычерпывания рыбы из трю-
ма (по технологии трюм с рыбой заполняется водой).

деревня – отблески огней на снегу, полная луна, идиллия,
тащить еще полчаса. На мосту, у капитанского места иллю-
минатор открыт, сижу, думаю о своем, покуриваю. Дверь от-
крылась, повернулся посмотреть, кто там – нет никого. Вдруг
передо мной возникает пиратская одноглазая рожа в шля-
пе с пером, ко мне тянется черная рука, и громкий мерзкий
крик: «Пиастры! Пиастры!». От неожиданности я вылетел с
моста и – в каюту капитана, заикаюсь и пальцем показываю:
«Там! Там...». Капитан бегом на мост – тишина, никого нет.
Смотрит на меня, сел на свое кресло. «Ну, говори». Сам ка-
питан Рагулин, на сто двадцать-сто пятьдесят кило, мощный
мужчина. Я ему начал рассказывать. На мостике скопилось
человек шесть-семь. Я сам себе не верил, но рассказывал.
Каждый из присутствующих вспоминал случаи, надо мной
посмеивались. Со стуком открывается дверь – нет никого.
Все невольно обернулись, на дверь смотрят. В окне появи-

лась пиратская рожа, тянется черная рука и мерзкий крик: «Пиастры! Пиастры!». От неожиданности капитан свалился с кресла, отбил копчик, остальные взрослые мужики рванули к двери, на выход, от греха подальше. Дверь стандартная, да и мужики нехилые, к тому же трап крутой вниз. Кто с синяком, кто с вывихом, но когда ломились в дверь, мимоходом задели руль, судно уткнулось в лед, потеряло скорость, трал начал тонуть. Быстро сообразили, начали выбирать трал. Побитые мужики, охая, через силу выбрали трал, вылили улов и – к базе, на сдачу, и к врачу занимать очередь. Как выяснилось, два шутника, старший трал-мастер и трал-мастер, над нами подшутили. Трал для ребенка в Северо-Курильске добыл маску и шляпу на Новый Год. Один отвлекает дверью, второй становится на траловую лебедку и орет. Оба долго светили фонарями за эту шутку.

Тренировки проводили под бортом «Скалы» и «Кавказа», добивались четкой работы с ложкой, только потом переходили на Хойемару. Хойемару отводила ограниченное время на сдачу – типа должны работать быстрее, чуть ли не бегом. Они что, издеваются? Обстановка накалялась. Капитаны объяснили советским представителям – если эти будут дальше себя по-хамски вести, то сдачи не будет. Не поняли. Десять судов в течение двух суток к базе не подходили. Шум дошел до Москвы.

Стали работать по нашим правилам. В 1975 году японцы из минтая делали триста видов продукции. Например, кра-

бовые палочки и конфеты-леденцы. В нашей стране минтай – непромысловая рыба, и вся шла на фарш для зверосовхозов. Это потом дошло до головотяпов – в минтае девяносто процентов мяса и практически нет костей. Что и привлекало японцев. Ледовая обстановка тяжелая, куда опустить трал и где его тянуть – проблема. Помогали плавбазы, транспорта – ходили, делали дороги. С рыбой проблем не было, ее не надо было искать. Стенка триста метров на несколько километров, тогда, казалось, неисчерпаемое Охотское море.

Когда еще лед не встал, я видел нечто. Даже сейчас я, капитан, директор, промысловый капитан-наставник, скажу – так могут только очень опытные, грамотные, с умелым и бесстрашным экипажем. Волнение шесть-семь баллов, высота волны пять-шесть метров, и РС, рыболовный сейнер. В нем нет и сорока метров. Ставит трал, тянет его и выбирает. Чтобы носом выйти на ветер, в волну опускает сто метров якорной цепи. Мне тогда казалось – это безумие, в такой пляске воды, ветра и смерти. Профессионализм побеждал, мелочей в работе нет. Тогда я очень многому научился и понял. По вечерам, если были свободны, играли в карты у стармеха, коротали время между тралами.

Тут приходим на посиделки, он такой довольный, аж рожга стала шире. И показывает на потолок. Смотрим – весь потолок в черных точках. Он говорит: «Я гвозди набил, теперь эти суки на цыпочках ходят, тихо, аккуратно». Бывали и дни отдыха – базы становились на перегруз, и тогда друзья

швартовались друг с другом и устраивали посиделки и, как всегда, с ней, с беленькой. Мы состыковались с «Камчадалом», и наши посиделки затянулись до вечера. Разошлись, работа прежде всего. Капитан мне: «Обойди по судну, проверь, все ли в порядке». Моя вахта с полуночи до четырех утра, к спиртному я как-то не очень, так, одну-две рюмки для компании, чтобы не быть белой вороной. Обхожу судно, по коридору тишина, все спят. Сходил в машину, потарахтел с механиком, пошел в кают-компанию кваса попить – бочонок классного кваса стоял в каюткомпании. Расслабуха полная, захожу, включаю свет и тут же на автомате выключаю и пачусь назад. Мама моя родная, в кают-компании лежит, спит и сопит бурый медведь. Не понял, глюки что ли, допились, да нет, не пил, не может быть, привиделось. Испарина по телу, приоткрыл чуть-чуть дверь – точно, сопит мишка. Потрогать рукой не решился, мало ли что. Я на мостик захожу задом, плотно закрываю дверь, не хлопая. Капитан настояжился: «Что случилось?». Я на него смотрю, можно сказать, дурным глазом: «Медведь в кают-компании спит». Что можно подумать в час ночи, глядя на меня? Капитан мне: «Ты подожди», – сам в каюту вышел и мне: «Стакан водки выпей – пройдет». «Геннадий Степанович, там действительно бурый медведь спит, а к водке, вы сами знаете, как я отношусь». Точно, я, рьяный комсомолец, перекрестился, не сказал только «век воли не видать». Капитан дважды тихим голосом объявил по судовой трансляции: «Всем сидеть в ка-

ютах, закрыться и не выходить до объявления». Мне: «Иди в коридор, чтобы никто не вышел – дураков много. Если что – в каюту, и сиди». Капитан связался с другом, и мы бежали навстречу друг к другу. Это их медведь – взяли малолеткой, так и живет.

Минтаева экспедиция закончилась, и мы пошли на переоборудование. Следующая экспедиция сайровая, и я опять ухожу и хочу попасть к другому капитану. У меня получилось. Я ревизор (второй помощник) на рыболовном СРТМ «Парусное». Работали от науки и должны стоять четыре дня, но попутно мы привезли первую рыбу. Я ее увидел в первый день, но не подал вида. Она остановилась, как вкопанная, не веря своим глазам. Работы было много, девок еще больше. База сайровой экспедиции, остров Шикотан, там несколько перерабатывающих заводиков по изготовлению разных консервов. Сюда набирали работников со всего Советского Союза, почти сто процентов девушки, женщины и совсем немного парней. Рыба требует нежных женских рук. Мы называли остров Шикотан островом любви – полная сексуальная раскрепощенность. Вдаваться в подробности не буду, а то нарушу мантру о Советском Союзе секса нет.

Главная сайровая традиция – судно, поймавшее первую сайру и доставившее на остров, объявляется победителем, и всю путину сдает без очереди. В честь него устраивается праздник. Мы привезли первую сайру, и девочки устроили праздник со всеми вытекающими... Захожу в каюту капита-

на решить вопрос. Там – кильдым, пьяные, полураздетые, и там сидела Людка. «Выйди, дело есть». Она вышла. Затащил в каюту чифа (старпома), швырнул на койку, закурил. Смотрел на нее и молчал. Все такая же красивая, и маленькие грудки. «Зачем ты к старикам? Что, молодых нет?». «Я зашла по работе, а меня усадили». «Да, и рубаху расстегнули. Ножки не раздвигали? А почему перестала писать?». Она села, привела себя в порядок. «В том городе, куда отца перевели, встретила парня. К тому времени с тобой залетела. Ты был далеко, он – рядом. Он старше, спортсмен, автогонщик, выскочила за него. Он разбился, у меня выкидыш, болела долго. Все пошло кувырком, и вот я здесь, на краю света. А ты там был?». «Нет». «Пойдем, я тебе покажу».

Стоять три дня. Я сказал чифу, что приду завтра, и мы с ней ушли. На острове Шикотан действительно есть мыс Край Света, за ним – безмерные просторы Тихого океана. На краю тридцатиметрового обрыва лежал здоровенный плоский валун. Внизу, под ним океан разбивался об остров. Рокот океана, фейерверк брызг завораживали. Мы сидели и разговаривали, было тепло и темно. «А ты как?». «Я женился, малец растет, ее не люблю, вернее, терпеть не могу, но живу ради мальчика. Уйду, наверное, бля... Гуляет, пока меня нет. Главное, открыто, все знают. За что, не пойму. Вытащил из детдома, выучил, денег зарабатываю дай боже. А она, сучка, ну да ладно, с этим покончу. А ты все та же...». Она встала на валун, скинула с себя все, развела руки в стороны. «Я бы

как птица полетела ввысь или вниз». Я тоже разделся, встал позади нее. «Вниз не надо», – обнял ее, – «Какие у тебя великолепные груди». Мы занимались любовью до утра. Сюда мы приходили еще две ночи. Когда мы уходили из Крабово-заводска, она меня провожала. Мы обменялись адресами. С тех пор я ее больше не видел, на письма не получал ответ. Никто из нас не выполнил детскую клятву, у всех судьба не сложилась...

От нечего делать делал картинки из пластика, наносил черную тушь и копировал картину – крупный лось борется с четырьмя волками. Снимал лишнее, и получалась неплохая картина, девочкам нравилась. Сделал доску остойчивости¹⁴

Доска остойчивости (непотопляемости) – является составной частью боевой документации и предназначается для графического обозначения повреждений корпуса, размеров и

метр на восемьдесят сантиметров. Вырезал на пластике, получилось здорово. Главное, от лени – каждый день надо переписывать два листа, нудное занятие, а так – написал цифры, на следующий день стер, нанес новые, и все дела. По приходу в Невельск на судне был начальник службы мореплавания с проверкой. Увидел доску – «Кто сделал?». Капитан: «Ревизор». Открутили, в конторе сняли копию, и на все пароходы внедрили бумажную версию, а нам вернули мой шедевр.

После сайры стою у конторы, курю, с ребятами треплемся, подошел ко мне старпом с другого судна: «Можно отойти?». Отошли. Он: «Иваныч, пойми правильно, хочу тебе сказать, твоя жена тебе изменяет. Трахается с кем попало, пока ты в море». «Спасибо, друг, я это знаю. Мне не с кем оставить сына, ты сам знаешь – самая дорогая проститутка – это жена. Я ищу выход из этого положения. Еще раз спасибо, я на тебя зла не имею». Он был не первый, кто меня предупреждал. Зашел в бухгалтерию, написал заявление – переводить Ираиде четверть моей зарплаты на содержание ребенка. Добровольный алиментщик. Невельск морской городок, очень много молодых парней и немного потрепанных мужчин. Мужья, рыбаки, в море, а... В мою бытность все приезжие пары – такие, как мы, а их большая часть прибывших – кто давно, кто-то сейчас. И жены у них такие же, как моя, только осторожней и умнее. Вот и думаю, как быть с сыном, не знаю, закон на ее стороне. Не такую я хотел иметь семью, не такую...

На ивасевую экспедицию я напросился к капитану Никитину, герою соцтруда, депутату Верховного Совета. Вот где мастерство, умение, знание судна и поведения рыбы. Здесь я получил массу знаний. Я все у него расспрашивал, и он охотно мне все объяснял. И говорил: «Будь всегда внимательный к мелочам, они дают массу информации». Только благодаря ему я в дальнейшем стал промысловым капитаном-наставником. Особенность была у капитана Никитина – в рейс брал две двухсотлитровые бочки нефильтрованного пива с пивза-

вода города Невельск и двух поросят. Их откармливали под государственные

характера затопления отсеков, а также для подбора спрямляющих отсеков и отсеков, при затоплении которых восстанавливается остойчивость корабля.

праздники для разрядки экипажа. Он всегда был с рыбой и уловом. Экспедиция теряла рыбу, все в поиске. Он находил всегда первый, не зря ему дали героя. По окончании рейса Никитин дал мне хорошую характеристику. Меня вызвали в кадры, вместе с кадровиком – в службу мореплавания, а там меня озадачили – хотят направить меня на плавбазу «Советское Заполярье» четвертым помощником. Меня, боевого второго помощника, готового старпома, как сказал Никитин – и четвертым? Я что, штрафник? «Это другой уровень, другие возможности по продвижению по службе, тем более о тебе хорошие отзывы и рекомендации. А четвертым посылаем – надо узнать службу и работу базы». Договорились временно, на полгода. Если нет – то старпомом на промысловое судно. Дал согласие.

В ожидании плавбазы меня временно послали на штрафной тральщик, у них ЧП. Из закрытой каюты капитана ночью пропали секретные документы и зарплата экипажа. Капитан вечером ушел домой, закрыл каюту своими ключами. Пришел утром и срочно сообщил по инстанциям. Результат – капитан в кутузке, ищут секретные документы, бланки. Стран-

но, шифро-книга на месте, а остальное... Я сбоку-припеку, так и меня чуть ли не щупают. Несу вахту, у стармеха поиграли в карты, к вечеру разошлись. Залез на второй ярус, первый не люблю, читаю дешевый детектив. К вечеру крысы активизируются и устраивают забеги по подволоку¹⁵, над головой забегали громче, сиеста у них что ли, ну, суки. Взгляд зацепился за что-то красное – торчал уголок в щели между фанерой. Потянул, не тянется, но уголок сильно похож на десятку. Не поленился, пошел к деду за отверткой, говорю: «Пойдем клад искать». «Какой?». «Сейчас узнаем». Отвернул одну половину, фанера прогнулась, и на кровать выпало гнездо крысиное из денег и документов. Я деду: «Пошли», закрыл дверь, связался с портнадзором по рации, сказал время и код 24. Ждем. Код означал ожидание чекистов. Через полчаса пришел парень, показал документы, я открыл каюту. Нас не пустил, все зафиксировал, пересчитал, взял с нас объяснительные и ушел. Капитана выпустили, оправдали, восстановили в должности. Он меня нашел, сказал спасибо, уволился и уехал. Случайность спасла человека от позора, может, сохранила жизнь, только веру уже не вернула.

Подволок – потолок на судне.

Я не знал, как мне быть. Люблю сына и гулящая жена. Советчики: «Поколоти сучку». Нет, это ничего не даст. Выгнать из квартиры, забрать ребенка к родителям – не дадут, все

права за этой сучкой. С каждым днем все отдаляюсь от «семьи» и сына. Он меня очень редко видит, воспитание уже не мое. Удел моряка – иметь угол, чтобы сложить вещи и повидаться с сыном. Противно даже оставлять форму, но ищу выход. Семью побоку, как бы числюсь, весь в работе – это будущее, меня ценят, продвигают. Так, капля за каплей, в моей душе осадок и выжигается. Все, что было у меня после Клавдии Олеговны и моих девочек – одно недоверие, презрение и злость.

Только работа спасала. Душа моя черствела, и становился циником. Почему и пошел на плавбазу, правда, временно, ПБ¹⁶ «Советское Заполярье» зашла в порт Холмск – перегруз рыбопродукции, прием снабжения, тары, бочек, смена экипажа, и будет уходить на иваси. Рабочая кутерьма день и ночь, работа в три смены. Я – к директору с направлением, у него старший помощник и первый помощник что-то решают. Я доложил, что прибыл, но ненадолго. «Почему?». Я все по порядку объяснил, что я промысловик, у меня много данных от капитанов, назвал их. Там живая работа и виден результат, а здесь рутина. Думал, после моего спича скажут, езжайте на свои суда. Меня выслушали. «Вы, молодой человек, со старшим помощником идите, он вам все расскажет». Старший помощник привел меня в мою каюту, царские условия. Старший помощник, Андрей Степанович, ему, как и капитану, лет пятьдесят-шестьдесят. Он меня ввел в курс дела, «Работай прям сейчас», и позвал третьего помощника, «он

далее объяснит».

Экипаж, усиленный рыбообработчиками, полный набор около двухсот семидесяти человек. Писанины тьма. Одних принять, других списать. С такой работой знаком, но не в таких объемах. Третий: «Виктор Владимирович, ты позови библиотекаршу, она всем четвертым помогала». Я узнал, где она живет, пошел на поклон. Постучал, она открыла. Молодая девушка, лет двадцати пяти, с меня ростом. «Слушаю». «Светлана Александровна, помоги, ПБ – плавучая база, судно, предназначенное для обеспечения базирования формирований кораблей в пунктах базирования, реже в открытом море.

пожалуйста, зашился, как...». Она: «Хорошо, пошли». Мы поработали несколько дней, разгребли, и мы подружались. Просто дружба, как я говорил, она свойский парень. Старпому доложил, что с документами и кадровыми делами разобрался, все в порядке. Спасибо Светлане Александровне.

Меня пригласил капитан Исаев, и говорит: «Мы тут готовимся на ивасях поработать. Не мог бы ты посмотреть, что можно придумать, чтобы мы могли больше тары, груза брать на палубу? Подумай». Озадаченный, я вышел, стою на крыле и смотрю на корму. Пошел бродить между крышек трюмов, стрел, и прикидываю. Взял у Светки ватман и начал рисовать трехмерное изображение главной палубы. Прикинул, подумал, вполне может что-то получиться. Взял у боцмана ру-

летку, у старшего механика узнал удельный вес железа. Рассчитал примерное количество железа, как построить, укрепить. Данные ввел в информацию об остойчивости. Вроде не тонем, можно что-то сделать. И пошел к капитану. Я очень долго и подробно рассказывал, что тут нахимичил, насчитал. Только это надо пропускать через регистр и перерасчет всех данных по остойчивости, и займет это много времени. Исаев придумал моей задумке название – ростры¹⁷. Да, это ростры. Тогда я не знал, что это такое. С базы я потом ушел, но потом, встретившись с ПБ Советское Заполярье, увидел, что Исаев все-таки сделал эти самые ростры. Мне было приятно, что тут есть часть моей придумки.

Я помогал Светке составлять стенгазету всякими рисунками. К нам помполит привел радиста Мишу и токаря Николая, так организовалась наша группа. Почему наша – вместе проказничали. Помполит узнал, что написал заявление в парторганизацию управления о принятии меня в кандидаты КПСС, было две рекомендации. Заявление приняли, а на плавбазе выбрали комсоргом. Светка позвонила: кино будет хорошее, позвал радиста, и пошли в кормовую надстройку, там кинозал. Идем через машину, вернее, по верхнему проходу над машинным отделением. Картина – повар со сковородкой в такт работе двигателей постукивает, заливается смехом и опять постукивает.

Ростр – таран с металлическим наконечником в носовой части военного корабля времён Древнего Рима, обычно в

форме стилизованного трезубца. Располагался ниже ватерлинии и применялся для создания пробоин в корпусе корабля противника.

Нас это сильно заинтересовало, мы – к смеющему повару. Смотрим – внизу, среди работающих двигателей важно ходит второй механик, Семен Семеныч. Коммунист, про него говорили, хороший специалист, но неприятный тип. Короче, сильно обращал внимание на недостатки и докладывал кому надо. Сексот по призванию. Услышав посторонний звук от постукивания повара, он приседал и лихорадочно водил головой и рысцой – от двигателя к двигателю. Сверху картина умопомрачительная. Я радисту: «Пойдем», а повару: «Надо поговорить, приходи в библиотеку». Все второго недолюбливали и решили над ним серьезно подшутить. Токарю даем задание изготовить гайку большого размера. Когда гайка была готова, повар ее в кастрюле сильно нагрел, смазали солидолом и на вахте второго механика сбросили вниз. Сами – смотрим. Он к ней кинулся, схватил руками – горячая, в масле, значит, работала. Откуда, где?! Бегом, звонит старшему механику – гайка упала. Старший механик, теряя тапочки, в машину, потрогал руками – горячая, в масле – работала. Где?! Звонит главному механику, тот быстрее стармеха – в машину, – горячая, в масле, работала, где – ищем, и всю машинную команду – на поиски. Звонит директору – надо стоп дать, машина рассыпается, как бы чего не вышло. В это время мы бежали к рычачку¹⁸ за рыбой. До него шестьсемь

миль, погода балла три и портится. По трансляции меня вызывают в мотобот¹⁹, вперед, за рыбой. Первый месяц на ивах я работал один, представитель по ТБ²⁰ от Дальрыбы²¹ выписал предписание – работать на мотоботе может тот, у кого диплом ОСВОДа²². У меня одного он был, но директор ввел оплату по нарядам, кто сколько привезет – так и получает. Зарплата у меня была больше, Рыбачок – имеется в виду рыболовное судно.

Мотобот – небольшое морское судно, моторный бот.

ТБ – техника безопасности.

«Дальрыба» – название рыбодобывающего предприятия.

ОСВОД – «Общество спасения на водах» – советская, российская и белорусская добровольная массовая общественная организация, имеющая целью охрану жизни и здоровья людей на водоемах (предупреждение несчастных случаев, обучение населения плаванию и способам спасания); помощь спасательным службам; упорядочение использования маломерных судов судоводителями-любителями.

чем у директора. Меня – в мотобот и эти шесть-семь миль кувыркался на волне.

Вся машина лазают по трубам, ищут, откуда же она свалилась. Труб такого размера под нашу гайку нет, но ищут час, два, три, с ними ищет и токарь. Попробуй, признайся – выгонят. Шутка удалась, но против нас. Горячая, в масле – работала.

Для того, чтобы не терять времени, останавливать базу, и только после этого опускать мотобот, как велит техника безопасности при работе с мотоботами (а это написано кровью), предложил директору попробовать спускать мотобот на самом малом ходу, только по моей команде, с подветренной стороны, боцман на лебедке. Мы в мотоботе все на товсь, моторист в машине, и, как только касаемся воды – запуск двигателя. Даю ход, скидываем швартовы и – к рыбачку. Все получилось отлично. База проходит рыбачка, меня спускают. Я – за рыбой, база выбирает место стоянки или ходит вокруг с рыбой, к базе все на ходу, без потери времени. Класс.

Бывало, две-три базы посылают мотоботы к рыбачку, и каждый имеет задание привезти рыбу. Мотобот берет пять тонн. У меня была ковбойская шляпа, тесак на боку за поясом и короткий багор. Если я стоял под бортом, никто не лез, жестко давал отпор. Бывало и дрались, как пираты, за рыбу, и только негласный закон – полилась рыба на борт мотобота – все затихли; когда мотобот отходит, идет свалка. Не всегда так было, но было.

Было безрыбье, база бежала к рыбачку, у него рыбы мало, и мне команда – взять рыбу. Погода была на пределе. Я не знал, и никто мне не сказал, что ночью на базу привезли начальника техники безопасности Дальрыбы. К тому времени на мой мотобот поставили двигатель стосильный. У всех тридцатисильные. Это давало такие возможности, как скорость, сила, маневренность. Я не постесняюсь сказать, на мо-

тоботе я был дока. С других баз присылали ко мне моряков для прохождения стажировки. Рыбы мало, под бортом рыбака стояло три мотобота. А брать надо. Нас два мотобота. Как говорится, пошел ва-банк, обрубил концы у стоящих мотоботов, выдавил их силой. Драка была классная – мы взяли два мотобота рыбы, это десять тонн, пришли к базе, и мой мотобот тонул. Быстро завели швартовы и начали подъем мотобота. Когда оторвали от воды, дал команду стоп, ждали, когда через пробойны вода вытечет. Вода из машины вышла. Боцман работал только со мной. Поставил мотобот на киль, блоки, рыбу – в цех.

Я, как был одет, так и пошел на мост. Там стоят какие-то дядьки в форме, с эполетами ну очень большими. В развалку подошел к директору: «Ваше задание выполнил». Дядьки на меня сорвались: «Вы что, не слышали гудков базы и приказов по трансляции?!». «Прошу прощения, когда я выполняю задание, я на мелочи не обращаю внимания». Как мне сказал второй помощник, когда началась бойня за рыбу, база непрерывно гудела, кричали по трансляции, но все было бесполезно. Меня поругали и отставили от работ на мотоботе. Прошло дней пятнадцать, вызвал директор: «Значит так, надо поработать на мотоботе. Мне это джентльменство надоело, мы остаемся без рыбы». Спрашиваю: «А Дальрыба?». «Я это решу, мои дела». Я оказался очень нужным и значимым звеном в работе плавбазы. Когда меня спускали на мотоботе, база хлопала в ладоши. Приятно, черт побери.

Пока был в опале, помполит пристроил меня делать вместе с ним обходы кают рыбообработчиков, в основном женских кают. Постучится, и заходит – девки полуодеты, я тут же вышел, а он, извращенец, смотрит на них и задает ненужные вопросы. После нескольких выходов отказался от таких прогулок, сказал, что это неправильно. Правда, в одной каюте у мужиков в нише иллюминатора стояла тарелка с бутербродами – белый хлеб с черной икрой. Хорошо живут. Поделился такой новостью со старпомом, он: «Где нашли? Пойдем». Оказывается, в магазине скупили весь гуталин, намазывают на белый хлеб, черный не идет, за сутки хлеб впитывает спирт в себя, гуталин выкидывают и ходят балдые. Гуталин-то советский, качественный, а не китайская замена, как сейчас.

Под бортом валетом стоит транспорт «Саянские горы», мы на него перегрузили рыбопродукцию, приготовили, главный: «Палуба, по местам по швартовому расписанию!». Чиф куда-то вышел. «Саянские горы» ослабил швартовы, их скинули. Я: «Где Чиф?». Два судна больше сотни метров расходятся, я в смятении, по трансляции: «Старшему помощнику просьба подняться на мостик». «Саянские горы» на ветру дал ход и медленно идет вдоль борта, я прикидываю – если корму не оттолкнуть, то навал²³. Бегу, переложил на борт руль и дал самый малый вперед, мало добавил ход, на полборта руль. Суда разошлись в трех метрах друг от друга. Облегченно вздохнул и краем глаза увидел капитана и старпо-

ма, стоящих в дверях и о чем-то мирно разговаривающих. Потом капитан дал мне полный разбор моей отшвартовки. Но это ладно, звонит мне Светка: «Беги в кинозал, сам увидишь и обалдеешь». Я пришел – что случилось? Народ какой раз крутят одну и ту же пленку. На ней – как мы брали рыбу, зверски дрались, мою рожу и приказы матросу и мотористу. Этот фильм видели представители Дальрыбы. Мне вкатили выговор по партлинии с формулировкой «За хамское и пиратское взятие рыбы». Я просил у автора этой пленки продать мне – нет. Давал тысячу рублей, по тем временам большая сумма – нет, не отдал. Жаль. К директору Исаеву – никаких претензий, он пять лет держит первое место по всем показателям. Добавился еще один, за пиратство.

Прошло около четырех месяцев, к нам пришел транспорт – перегруз рыбопродукции, частичная смена экипажа. Экипаж попрощался со старыми работниками, муж и жена, на базе отработали семь лет и уходят на заслуженную пенсию. Отличные работники. Почему-то использовали корзину (средство для пересадки людей между судами) с этого транспорта, наша была в ремонте. У всех хорошее настроение. Когда корзина оказалась между бортами, на высоте лопнул трос, и корзина летит между бортами. Глубина две тысячи метров. Какая сучья жизнь. По базе прокатился крик ужаса. С тех пор я очень не люблю эти средства. Из Дальрыбы – гром и молнии, сделать, разработать, прислать бумаги на средство. Директор меня вызвал. «Ты у меня конструктор,

вместе со старпомом сделайте безопасную корзину». Я на-
чертил, старпом кое-что исправил, и к директору отправили
на Дальрыбу. Те на берегу наделали корзин и разослали по
судам. Все это время я иногда подменял третьего помощни-
ка по прозаической причине – он увлекался спиртным, хотя
жил с женой. Директор почему-то терпел. Подменял второго
помощника, когда он приболел. У меня на базе все склады-
валось отлично.

Навал – имеется в виду столкновение судов.

Как-то капитану жена прислала спиннинг на день рожде-
ния, и так совпало – встали на глубоководный якорь, про-
верка якорного устройства, встали дня на четыре. Капитан
с удочкой выходил на бак²⁴ порыбачить. Неудобно, до воды
пятнадцать метров, но ему хотелось опробовать подарок же-
ны. Вышел он в очередной раз, закинул, поймал что-то, его
вызвали на переговоры. Закинул леску, закрепил удочку и
пошел. Я это видел. Мухой лечу в боцманскую, хватаю ста-
рый сапог, радист страхует. На крючок – сапог, и – в воду.
После переговоров он – за удочку, тяжело и с азартом выби-
рает леску. Подобрал несколько метров и смотрит вниз, по-
том по сторонам. Сапог отбросил, удочку смотал и ушел в ка-
юту. Это было зрелище, камеры нет. Мне было как-то нелов-
ко, осадок на душе, можно сказать, нагадил. Когда уходил с
плавбазы, я у капитана попросил прощения за этот нехоро-
ший случай. По дальнейшей работе на базе сказал: «Нет. Не

получаю того удовольствия, как на рыбаках – там азарт, охота и результат, кто умнее – ты или рыба. Здесь – работа, как на берегу, на заводе». Директор мне: «Подумай, не спеши. У меня третий пьяница, заменить нечем, второй часто болеет – умный мужик, но... старший помощник скоро на пенсию». Он мне показал дорогу развития на базе. Как удачно у меня складывается на промысловом флоте, старпом, и дальше сам пробивай дорогу. На базе выше уровень и ранг, и показана дорога.

Я – как тот осел, между двух стогов сена стоит, решает, с какого начать. Так и не решил. Про семью никаких мыслей. Мысль есть – сына отвезти к родителям на какое-то время. Подумать надо. Время работы истекло, кем я работал на базе, я так и не понял, везде и за всех. Попрощался с друзьями и на корзине – на ПБ «Кавказ». Прежде чем сесть в корзину, мое изобретение, я все тщательно проверил, и когда она плыла между бортами, холодильник бегал по спине.

На базе «Кавказ» работал третьим помощником Казаков Виктор, вместе учились в училище. Такой опрятный, в форме, как в училище. Он был комсоргом в роте, учился во второй группе. Добавились важность и уверенное, командирское поведение. Я поселился у него в каюте, на диванчик. «Кавказ» пойдет во Владивосток парадным ходом шесть-семь узлов, старенький паровик. У

Бак – передняя часть палубы (от носа до фок-мачты) или

палубы носовой надстройки корабля (судна).

меня весь набор рекомендаций, характеристика с базы и от помполита.

Одно я понял на работе – дома, в семье ни в коем случае нельзя гадить. Так что на «Советском Заполярье» я был примерным мальчиком. На «Кавказе» я не на работе, столько возможностей. Витек меня даже осуждал и пытался учить жизни. За четыре года у нас разные достижения по работе, по жизни тоже. Я ему прочел стихи древнего философа:

Как странно устроен этот мир:

Женщина бежит от человека,

Для которого она – единственная радость

И единственный смысл жизни, бежит и стремится к тому,

Который наслаждается ею между дел, между прочим И в конечном счете не ставит ни во что.

Женщина и судьба. И та, и другая одинаково Неблагодарны и непостоянны. И та и другая Изменяют нам чаще всего.

Мы, мужчины, для того и существуем, чтобы

Укрощать изменчивых женщин, и чтобы бороться С превратностями судьбы

Я, конечно, соглашался с ним, говорил, что он прав. Пили чай и рассуждали о жизни. Да, он действительно был прав во всем. Но он многого не знал. Главное – жизнь сложнее этой морали. Вот только, как прожить, чтобы не было мучительно больно за прожитые годы?

Отдых заканчивался, мы прибыли во Владивосток. Полу-

чалось, у Виктора свободное время, и мы решили пойти в кабачок, посидеть по-человечески. Сказал, что я накрываю поляну.

Глава 4. СИ – 20/1

В ресторан «Кавказ» мы зашли вечером. Полуподвальное помещение располагает к чревоугодию, отдыху и общению с противоположным полом. Полумрак. В принципе, все, что хотел – тут уже не чувствуешь присутствия моря, полная расслабуха. Будний день, места есть, сели за свободный столик, у официантки Тамары заказали мясо, салатик из свежих овощей и триста граммов коньяка. Так, для поднятия тонуса, да и самолет утром на Сахалин, до аэропорта добраться надо. Хотя повара на базе очень хорошие, но там общепит, здесь же – особо. Мясо бесподобное, да под свежий салат и пять капель коньячка – бальзам на душу. Лениво разговаривали, смотрели по сторонам. Так незаметно пролетели четыре часа. Тома предлагала еще заказать выпить, мы – нет, кофе пожалуйста. Играла живая музыка, пели мужчина и женщина, все цивильно, мне понравилось. За все это удовольствие я заплатил где-то двадцать пять-тридцать рублей, в 1977 году это считалось шиканули.

Вещи мои были в камере хранения железнодорожного вокзала, до него от «Кавказа» метров восемьсот. Прогуляемся, там и такси возьмем. Вышли на улицу из ресторана, закурил и увидел у кафе Лыдинка милицейскую машину, в простонародье воронок, метрах в пятидесяти от нас. «Ну

что, Витек, тебе тоже на такси, похоже автобусы не ходят». Обычно у железнодорожного вокзала находятся таксисты, или можно там узнать. Так что двинули. От воронка в нашу сторону шли не спеша два милиционера, старший лейтенант и сержант. У обоих вид не первой свежести и неспортивное сложение. Подошли, недружелюбно:

—

Что стоим?

—

Вечер добрый, да вот думаем, как быстрее найти такси. Не подскажете?

—

Такси. А зачем тебе?

—

Не тебе, а нам.

Те удивленно смотрят.

—

Другу на судно, а мне в аэропорт.

—

Документы не покажешь? А то у нас тут пропускной режим.

—

Витек, подтверди зачем нам мотор.

Обернулся, а Витюши нет. Вот он был — и нет, нда... Достал паспорт, вытащил авиабилеты, держу в руке.

—

У нас на Сахалине тоже пропускной режим.

—

То Сахалин, а тут Владивосток, — и ухмыляются. Я почувствовал неладное, но все-таки люди в погонах, «моя милиция меня бережет» в голове мелькнуло.

Глядя в паспорт:

—

Ну да, сахалинец. А такси у железнодорожного вокзала можно перехватить. Так нам по пути, пойдем, подвезем.

—

Спасибо, но я с другом пройду, только паспорт пожалуйста верните.

—

Друга нет, не видим. А вот с нами придется проехать, кое-что уточнить, — вежливо по-хамски улыбаются, — Пойдем, не задерживай, — и встали с двух сторон. От сержанта пахло перегаром. Чтобы не усугублять обстановку я согласился:

—

Хорошо, поедem, а то время поджигает, — сел в их воронok, и поехали в отделение. У меня внутри все на пределе. Разберутся, и поеду.

В отделении милиции старший лейтенант — дежурному офицеру: «Михаил Степанович, вот очередной — буянил, выпивший». Как они мне надоели. От такой наглости и нелепости, — «Ты что, старлей, с дуба рухнул?! Я у тебя спросил, где можно взять такси! Да ты с сержантом сам пьяный. Товарищ

капитан, прошу разобраться, это же полная нелепость!». Капитан посмотрел на меня отсутствующим взглядом, уставший, невыспавшийся вид. «Егорыч, – это он старлею, – Ты привез – давай оформляй сопроводительную, а этого – в камеру». «Капитан, ты что, разберись! Я после моря, у меня билет на Сахалин утром!». «Вот и разберемся, посиди пока». Все в одночасье рушилось, летело в пропасть, не могу осознать это. Почему, за что???

Потом мне в камере разъяснили – план выполняли по задержанию, им, сукам, не хватало процентов. И собирали урожай, у ресторанов есть кем поживиться, сволочи. В камере было двое – мужик бичевского вида, лет пятидесяти, и студент. Посидел, подумал, надо выбираться, может, разберутся? Начал стучать, звать старшего. На стук пришел рядовой милиционер, – «Что стучишь, орешь, не даешь спать людям?». «Пожалуйста отведи к капитану». «Не положено, до утра посиди, там и разберутся». «Друг. Ты меня к капитану отведи». Этот вроде нормальный, не испорчен, не выродок, привел к капитану.

«Товарищ капитан, это недоразумение. Я с моря пришел, зашли покушать, сто пятьдесят грамм выпили, и все. У вашего старлея спросили, где взять можно такси. Это что, преступление? У меня билеты на самолет». Уставший капитан смотрел на меня сочувственно: «Сколько вас передо мной прошло. Есть бумага о твоём задержании – хулиганское поведение, сопротивление, рапорт старшего лейтенанта, ниче-

го не могу сделать. С утра и разберутся, я дежурный». «Позови старлея, пусть подтвердит мои слова, ведь это неправильно».

Меня отвели в другую камеру, вернее, комнату без окон и с глухой дверью. «Подожди, старлей придет». Зашли два сержанта, следом старлей, в руках короткие дубинки. Я попытался назад, спиной к стенке, старлей на меня сходу: «Ты что, гаденыш, себе позволяешь?! Орешь, чего-то требуешь, нажрался – и сиди, пока раком тебя не поставили. А сейчас ты у меня заткнешься. Ребята, – это сержантам, – только без синяков!». «Что, впервой?» – и нагло идет на меня, постукивая дубинкой по ладошке. Бить себя не позволю, главное – литеху достать. В голове вспомнилось все, что нам показывал и учил Сергей Николаевич. В этой свалке, не обращая внимания на зубодробительные удары, я все-таки достал старлея, после приема он вырубился, и я с силой ударил между ног. Вбежал еще один легавый и с ходу прикладом уложил на пол. Пинали сапогами, знали суки, куда бить. От сапогов и приклада по всему телу синяки. Господи, как было больно. Я цеплялся за жизнь, эти озверевшие отморозки в форме меня могут просто забить насмерть. Резкая боль от сапога и приклада по бедру слева, разрывающая мозги боль, сломали или треснула кость, потерял сознание. Меня еще долго охаживали эти звери в форме. Вопрос – КТО ОНИ И КОМУ СЛУЖАТ?

Меня перетащили в первую камеру и бросили на деревян-

ный настил. Под утро пришел в себя и вновь требую отвести меня к старшему, и требую врача. Врача не вызвали, и меня, по распоряжению начальника отделения – в воронок, и отвезли в СИ 20/1, следственный изолятор, в ТЮРЬМУ. Главное – запомнить старлея и тех, кто меня бил. Запомнить надо, неизвестно, как жизнь сложится. На меня завели уголовное дело по двум статьям – 246, хулиганка, и 191, сопротивление властям. Потерпевший на боевом посту, старший лейтенант, у него непонятная травма, рука начала отсыхать. Сергей Николаевич, как ты был прав, спасибо тебе, а я не верил, жаль, что одна рука.

С каждой секундой, минутой, часом, днем надежда на спасение пропадала, все глубже в эту враждебную пучину опускаюсь. Что делать, как быть? Сергей Николаевич на вечерних посиделках у костра нам говорил: «В любой ситуации есть два выхода, выбери правильный. Не дай себя унижить, будь самим собой, и ты справишься». Мне что делать? Учеба, отличные отзывы по работе, перспективы, партия – все прахом. Надо выстоять и начать сначала. Как жаль. Я очень огорчил маму и отца. Справлюсь, выстою назло.

Камера предварительного заключения – большое помещение, около двадцати двухъярусных железных кроватей, спертый от немытых тел воздух, накурено, хоть топор вешай, и в воздухе стояло горе человеческое. В камере человек двадцать. Зашел, вернее, впихнули, чуть не упал, зверски болит бедро. Поздоровался, спросил, где можно приземлитель-

ся. Кто-то вальяжным голосом сказал, где приземлиться, и кто-то из подпевал: «Иди к нам, сладенький». Нервы в кулак, страшно хочется курить, потерплю, может брошу... Не дать себя подмять, не дам, зубами рвать буду. В зале гул, где-то веселый разговор, это трое на верхнем ярусе наносили татуировку на интимном месте, со своими комментариями. Глухая молитва какого-то татарина, или еще кого, причитание и плач, все смешалось. Жизнь изломанных людей.

Первый день и первая ночь в тюрьме – самое страшное, ломаются судьбы. Чтобы было неудобно спать, изломал подобие подушки, чтобы о себе напоминала, весь собрался, жду. Что ночью, что днем, постоянно горит свет, чтобы вертухай мог следить. От коек тень, можно сказать, полумрак. Мелькнула тень, и к глазу приставили наточенную ложку (алюминиевую ложку точат о железную койку, и она приобретает функцию ножа) и тянут в уголок. Я поддался, перехвати руку с ложкой и пальцы резко воткнул в два глаза, и – ребром по кадыку. Оно аж захлебнулось в крике от боли и тут же рухнуло на пол, ложку я забрал. Местный главарь видел, глядя в их сторону, только покачал головой. Сколько их – не знаю, трое было внизу, они студента неспеша насиловали, трое делали тату, осталось пятеро. Ночь прошла. Утром подошел к главарю, и спокойно с лентой ему говорю: «Если что сделаете со мной – всех по одному убью, срока давности не будет. На воле у меня будут проблемы. Один уже отдыхает. Спасибо, что меня выслушал». Подошел к своему месту,

лег и заснул. Прошел день, второй, третий – никого никуда не вызывают, думаю, ждут, когда синяки и гематомы пройдут, эти сволочи на этом руку набили. Я потребовал врача и адвоката, левая нога сильно болит, гематома не сходит. На пятый день вызвали на допрос к следователю. Он сильно на меня давил, я потребовал адвоката и врача, со следователем не разговаривал. Дело было фактически сфабриковано, требовалась моя подпись, и все присматривался ко мне, сошли ли синяки, или еще подождать. Опять ждать. В тюрьме существовала особенность – когда человека вели на суд, то народ его более-менее одевал, вот такое поветрие. Я был неплохо одет, так что на мне сейчас ничего своего не было, из хорошо одетого превратился в бомжа с чужого плеча.

Все это время сидел и думал, что дальше. На флот, кем? Дальше волнолома не пустят, роста не будет. В армию – судимость, возможно, не возьмут. Так КУДА? Главное – выйти отсюда с наименьшими потерями, а там посмотрим. Жаль, ох как жаль, маму и папу подвел, исправлю. Следак, сказал, есть общественный защитник и платный адвокат. По глупости: «А что лучше, не подскажешь?». Попросил платную встречу и встретился с соплячкой, только закончила юрфак, и туда же, платная, продажная стала.

Со мной в тюрьме определились, перевели в другую четырехместную камеру. Там все повторилось – на слабо, и сильно, от души избил вертлявого, в татуировках, мужика лет сорока. Сильно избил за притязание на мое молодое тело. А

он в этой хате главный и не первый раз тянет. Зверь видит другого зверя. Меня скрутили и – в карцер, этот малеванный помощи у вертухаев попросил. Очень не приспособлено место, чтобы там жить: сильно холодно, почти не кормят, и без сна здесь провел пять дней. И изза кого – за уголовного! После карцера – в старую камеру к старым «друзьям». Зашел – все по-старому, к народу – «Вы с ним, или каждый сам по себе?» – и ухмыляюсь. Взял курево того разрисованного, «огонек дай», а тот протянул зажигалку. Прикурил, ее – в карман, никто не вякнул. Адвокату написал заявление на врача, чтобы осмотрел. Описал все, как было, с действующими лицами, не забыл про официантку Тамару, может, она не соврет, как мы вели себя и сколько выпили, все важно, мелочей нет. Господи, какая она бездарь! Великое самомнение, и больше ничего, по благу, наверное, училась, будет ли для меня толк? Для того, чтобы убедиться, нормальный ли я, надо пройти психиатрическую экспертизу, так сказала адвокатша, Мария Гавриловна. Вместе с нарядом повезли меня за моими вещами на железнодорожный вокзал, в камеру хранения. Сказал: «Мария Гавриловна, сделайте опись моих вещей и документов, а то эти суки украдут. А так – не посмеют». Хотя?

Рано утром – руки за спину, повели во двор и – в «столыпин» (спец.транспорт по перевозке заключенных, с двумя отсеками). В первом отсеке уже сидело восемнадцать человек, нас четверых – в другой отсек. Закрыли, поехали. Ехали долго, куда – и сейчас не знаю. На повороте что-то стрель-

нуло, сильный хлопок, машина начала заваливаться, грохнулась на бок и скатилась в кювет. И тишина. Почему-то загорелась кабина. Водитель получил серьезную травму, его вытащили, оказали медицинскую помощь, место падения быстро оцепили. Проезжающие машины останавливались, мужики с огнетушителями – к горящей машине, тушить, но их не подпускают. Огонь быстро распространялся, мы в заднем отсеке почувствовали запах дыма. Поняли – горит машина, а тушат ли? Машина горит, люди с огнетушителями стоят, их не пускают, а ЭТИ стоят, скоты, и зорко смотрят, как горит, и слушают крики о помощи, задыхающихся и сгорающих заживо.

Это слышал и я, только к этому прибавить запах жаренного человеческого мяса. Дверь не пытались вскрыть. Я пописал на рубашку и прижал к носу, чтобы сразу не задохнуться. В голове – так глупо, все, ты следующий. За что? Это нельзя описать, надо быть здесь, каждой клеткой ощущать и чувствовать тот ужас, что тебя ждет. Я задышался, цеплялся за жизнь, сознание еще теплилось. Рядом мужика била судорога, и он затих...

На меня упала искра, мне не было больно, она горела на мне, я еще жив. Резали дверь. Резали военные. Проезжали мимо, оттеснили легавых с их офицером и вскрыли дверь. До нас троих успели, до восемнадцати – нет. Видя, что произошло, военный офицер от всей души врезал легавому по роже, со словами: «Сволочь, тебя здесь закопать надо! Убий-

ца».

Появилась первая седина. Меня, как куль, вытянули из камеры, положили на землю. Господи, как вкусно пахнет земля! Мужчина, что меня вытащил: «Тебе повезло, парень». «Я знаю, спасибо».

Когда машина загорелась, кругом решетки и никак...

Когда горят в отсеке рядом,

И видишь ты, как там горят, А в том отсеке – восемнадцать, А в этом – четверо всего.

И запах мяса, крик и ужас,

Что не спасут... Что, как и те... Но и тогда не дрейфил я, Я знал, что я приду к тебе.

Терял от дыма я сознание,

И все же верил – нет, не все,

Когда искра от автогена

Прошила корпус, я вздохнул,

Когда под дулом автомата

Загнали снова в воронку, Но и тогда не дрейфил я, Я знал, что я приду к тебе. Был невиновен я, и оправдали, Но слишком много времени ушло. Но я спешил к тебе, родная, Я как дурак к тебе спешил.

Хотя я знал, что болен и без денег, Хотя не помогла ты мне тогда,

А дома ты совсем меня не ждала. Но и тогда не дрейфил я, Я знал, что я верну тебя.

Когда нас бросило на берег,

И корпус от камней трещал,
Когда мы ночью SOS давали,
Спасали судно и себя,
Когда тонул за борт упавший,
Теряя силы, моряка держал...
Но и тогда не дрейфил я,
Я знал, что я приду к тебе
Я спас себя и моряка в придачу, Я выплыл, спасся для
тебя.

И я спешил к тебе, родная,
Я как дурак к тебе спешил
А ты меня совсем не ждала,
Ты снова предала меня,
Но и тогда не дрейфил я, Я знал, что я верну тебя.

Ты часто, улыбаясь, говорила,
Что некрасив и болен я,
И как ты хороша, здорова и красива,
Но ты ошиблась, милая моя,
Прошло то время, когда я
Прощал тебя и слепо верил Но и сейчас не верю я, Что я
тебе совсем не нужен.

Прошли года, старели мы,
И головы покрыты снегом,
Морщины появились на лице
Как ни проси, я не приду к тебе Я слишком многое тебе

отдал,

Здесь море мне винить нельзя.

Тогда ушел я от тебя, Но и сейчас я все же верю, Что будет счастье для меня.

Своим упорством и трудом

Добился я успеха,

Имею лавры и чины,

Хотя смертельно болен,

Но встретил человека я, И сразу ей поверил

Я знаю, не оставишь ты меня,

На все пойдешь, тебя я знаю,

Но поздно, не вернешь меня, Я сердце отдал той девчонке,
я полюбил и верю ей. Я отдал ей всего себя,

Хоть некрасив и болен,

Но любит все-таки меня

Я знаю не оставишь ты меня,

На все пойдешь, тебя я знаю...

Фильм был – во время войны, конец войны, женщины из СС вели женщин и их детей в другой лагерь, по пути на ночь загнали в амбар, закрыли на ночь, выставили охрану. Прилетели англичане и начали бомбить по площадям, попали и в амбар, он загорелся. Чтобы спасти женщин и детей – открой, выпусти, перегони в другое место. Для них они не были людьми, ненужный балласт. А вдруг разбегутся, инструкция. Все триста невинных душ сгорели. После войны нашли этих охранниц и судили, получили по двадцать лет за зло-

действие, за триста невинных душ. Чем же славная милиция отличается от извергов войны СС? СКАЖУ – НИЧЕМ!!! Я так понимаю, этого офицера не судили, он рос по службе и сейчас на заслуженном отдыхе, на пенсии, хорошей пенсии. Этот выродок среди нас,

ПОЧЕМУ?

Подошел ублюдок в офицерской форме, пнул меня ногой, попал в большое бедро, адская боль. «Бегом в машину, время пошло». Нас загнали в следующий воронку и повезли на экспертизу. Остальные остались на дороге, в кювете, у всех были маленькие статьи – хулиганы, пьяницы, карманники, одна мелочь, за что так распорядилась судьба? Мы все-таки попали на прием к психиатрам. Среди нас только один мужичок все время шептал что-то и посмеивался, видимо, не вынес этого. Врачи в годах, с сединой, женщина и мужчина, мне задавали вопросы, показывали какие-то картинки. Я на них смотрю и думаю – не больные ли вы? Может, вас запугали, или до костей циники, и все равно, с каких рук деньги получать? А эти – расходный материал. Я им: «Может хватит? Вы же знаете, через что мы прошли. И есть ли у вас мужество ответить мне, как бы вы поступили, зная, что всех могли спасти, но не стали, упиваясь криками о помощи этих... Сознательно убивали людей, прекрасно зная, что ничего за это быдлу не будет. Вы не тех проверяете, палачей проверяйте. Мы в живых остались случайно».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.